МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№1—1922

Браслет последнего преступника.—
И. Ясинского.

Тысяча смертей.—
Дж. Лондона.

Как это случилось?—
А. Конан-Дойля.

Угадал ли он? —
А. Зарина.

Исчезновение премьер-министра.—
Г. Геринга.

Приключение со стеклянным шаром.—
Ф. Анстея.

Коса китайца.—
С. Ромера.

Человек убивший Марстона.—
А. Экерслея.

К полюсу.— К. Брисбена.

Annotation

«Мир приключений» (журнал) — российский и советский иллюстрированный журнал (сборник) повестей и рассказов, который выпускал в 1910–1918 и 1922–1930 издатель П. П. Сойкин (первоначально — как приложение к журналу «Природа и люди»). С 1912 по 1926 годы (включительно) в журнале нумеровались не страницы, а столбцы — по два на страницу, даже если фактически на странице всего один столбец. Журнал издавался в годы грандиозной перестройки правил русского языка. Зачастую в книге встречается различное написание одних и тех же слов. Тогда так писали. В связи с чем орфография оригинала максимально сохранена, за исключением явных опечаток.

- МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
  -
  - Содержание
  - БРАСЛЕТ ПОСЛЕДНЕГО ПРЕСТУПНИКА
  - ДЖЕК ЛОНДОН
  - ТЫСЯЧА СМЕРТЕЙ
  - КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ
  - УГАДАЛ-ЛИ ОН?
  - ИСЧЕЗНОВЕНИЕПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
  - ПРИКЛЮЧЕНИЕ СО СТЕКЛЯННЫМ ШАРОМ
  - КОСА КИТАЙЦА
  - ЧЕЛОВЕК, УБИВШИЙ МАРСТОНА
  - К ПОЛЮСУ
  - КОНКУРС
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
1922

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ

Книга 1-я

*

Москва, Тверская, 38.
Телеф. 1—09–28.
Моск. — Изд. П. П. Сойкина и И. Ф. Афанасьева.

Р. Ц. № 2140. Москва
5-я Типо-лит. МЭНХ «Мосполиграф».
Чистые пруды, Мыльников п., д. 14.
Тираж 15.000 экз.

Содержание

Иероним Ясинский. **Браслет последнего преступника**. Из цикла «Грядущее»: [Фантастический] рассказ — стб.1-18

Джек Лондон: [Об авторе] — стб.19-20

Джек Лондон. **Тысяча смертей**: [Фантастический] рассказ — стб.21-36

А. Конан Дойль. **Как это случилось**: [Фантастический] рассказ — стб.37-42

А. Е. Зарин. **Угадал ли он?..** Рассказ-загадка — стб.43-48

Генри Геринг. **Исчезновение премьер-министра**: Рассказ — стб.49-62

Ф. Анстей [Ф. Энсти]. **Приключение со стеклянным шаром**: [Фантастический] рассказ / С английского — стб.63-84

С. Ромер. **Коса китайца**: [Фантастический] рассказ — стб.85-106

Арт. Экерслей. **Человек убивший Марстона**: Рассказ — стб.107-126

К. Брисбен. **К полюсу**: Юмористический [фантастический] рассказ — стб.127-142

БРАСЛЕТ ПОСЛЕДНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Из цикла «Грядущее».

I

ПО ОБЕИМ сторонам улицы двигались взад и вперед панели — каждая о двух встречных платформах. На платформах стояли, весело болтая между собою, группы мужчин и женщин в модных костюмах и шляпах. Иные, нетерпеливые, не довольствуясь механическим движением, быстро шагали по своей платформе. Это возбуждало смех.

Панели были украшены бордюром из живых цветов, благоуханных и прекрасных. На перекрестках, в центре овальных площадей, возвышались мраморные и бронзовые памятники великим людям давнего и недавнего прошлого. Они были окаймлены деревьями и цветниками. Улыбкою сочувствия и благословения веяло от этих оазисов.

Многоэтажных домов в городе не было. О них сохранилось только предание. Их можно было видеть на старых картинах и рисунках, да в кинопанорамах, где воспроизводился даже шум и гвалт отошедшей в вечность многоголосой жизни древних «столиц». Столиц уже не было. Душа города слилась с душой деревни.

Дама бледно-розового, бледно-голубого, бледно-палевого или совсем белого искусственного камня, были пронизаны светом, с большими

хрустальными стеклами, алмазные грани которых бросали радуги. На кровлях вторых ярусов зеленели кустарные насаждения, виднелись грациозные беседки и палатки.

Изменилось лицо города в каких-нибудь триста лет. Не только исчезли лошади и извозчики, неуклюжие автомобили и грохочущие грузовики, но и электрические безшумные трамваи сданы были в архив. Был усовершенствован подвесной железнодорожный транспорт. И с тех пор, как из глубочайших недр земли стали извлекать радий и научились пользоваться им, и, с его помощью господствовать над природою в таких размерах, какие не снились мудрецам XIX и XX века, города начали сноситься друг с другом по воздуху исключительно, в виду безопасности воздушного пути и крайней экономии: радиопланы поднимали неслыханные тяжести.

Вся страна кипела движением, груды товаров перевозились и переносились поминутно из одного конца в другой; фабрики и заводы (такие просторные, насыщенные светом и здоровым воздухом, что слабым людям, уже по возрасту имеющим право на отдых, медики часто советовали вернуться к работе) удовлетворяли население страны с избытком.

А между тем производство требовало уже всего трехчасового труда— но от каждого. Было в стране 200 миллионов жителей — и ежедневно 600 миллионов трудочасов отдавалось государству — вместо прежних 80 миллионов, когда 10 миллионов рабочих изнывали в нездоровых помещениях за 8-часовым трудом.

Немудрено, что страна наслаждалась материальным и духовным благоденствием. Здоровьем, бодростью, жизнерадостностью дышала страна, три века тому назад погибавшая от невежества, дикости, от рабства и жестокости, и достигшая высшего расцвета культуры, призвав на помощь организованный труд, науку и искусство.

II

В группе рабочих обоего пола, возвращавшихся с фабрики трикотажных изделий, в яркий июльский полдень 2222 года, выделялась чета молодых людей.

Она уже была знакома с любовью; *он* — был впервые влюблен. *Ее* звали Эрле. *Он* носил старинное имя Ильи. Тот, кого она любила, когда еще была на первом курсе техникума и изучала оптику и ткацкое дело — две ее

специальности — умер, обезмертив себя открытиями в области радиологии. Тот, кого она полюбила теперь — Илья был ткач, а главным образом — поэт, яркими фантазиями и музыкальными стихами прославившийся далеко за пределами города и плениший Эрле своими пламенными глазами, курчавою головою и сложением Аполлона. Сама она была худенькая, светловолосая, белолицая, и в 23 года казалась девочкою. Короткая верхняя губа ее, при улыбке, открывала ровные белые зубы. Точеный крупный подбородок свидетельствовал о твердой воле Эрле. Темные глаза ее с восхищением останавливались на Илье.

Когда платформа замерла у конечного пункта, молодые люди спустились по ступенькам на «Площадь Покоя» и прошли мимо гранитного Крематория, изукрашенного золотыми арабесками и надписями.

Эрле прочитала в их числе имя Григория, знаменитого радиолога; и болезненно и вместе сладостно встрепенулось ее сердце при воспоминании о блаженных часах, которые она проводила с ним еще так недавно. «Вот я еще не изжила свою первую любовь», подумала она. — «И разве изживу когда-нибудь? А если бы Григорий был жив, полюбила ли бы я, любя его, еще и Илью? Наверно полюбила бы. Я могла бы любить двоих. Что же такое брак после этого, — как не устарелая форма отношений между полами?»

Она прижалась локтем к Илье и поделилась с ним своею мыслью.

— И все-таки, Эрле. мы собираемся вписать свои имена в брачную книгу? — сказал Илья, засмеявшись. — Что же делать. Есть пережитки. «Современем брак исчезнет так же, как исчезли у человечества рыбьи жабры или обезьяний хвост — изречение это я вычитал вчера у древнего писателя Бельше; но и до сих пор мы с жабрами. Поторопимся же, возьмем радиоплан и да здравствует жизнь и любовь? Не заставим гостей ждать нас! Признаюсь, сегодняшнее торжество мне особенно дорого!

III

— Поэт иногда бывает атавистом, и я замечаю, что с тех пор. как вновь расцвела у нас поэзия… начала Эрле, вступая с Ильею под мраморную арку аэродрома, двор которого был выложен мозаикой и казался голубым персидским ковром с золотыми цветами; я замечаю возрождение вкуса к старине… Романтизм и питается безграничностью достижений?.. А у нас, неправда ли, застой? Мы пылаем жаждой новизны, а нового нет… и вот нас тянет… как это назвать?..

— Как хочешь, Эрле. В прошлом было много дурного и страшного, но было и прекрасное. Мы же наследники прошлого.

Оно мечтало о царствии небесном, а мы осуществляем его мечты. Его поэзия стала нашей прозой. Но нужна и нам поэзия.

— На вершинах нашей мысли поэзия и наука слились…

— Или, вернее, сливаются, — поправил Илья. В известной степени этому помогает и прекрасное прошлое. Стоит только оглянуться на памятники. которыми блещет наш город, и на библиотеки, чтобы не спорить со мною.

— Я не спорю с тобой, Илья, я только характеризую наше время. Ну. а причем тут брак? — спросила Эрле с задумчивой улыбкой.

Чтобы не делать тайны из наших отношений. имя которым любовь; а это уже и прошлое, и настоящее, и будущее это вечное!

Она продолжала с тою же критическою усмешкою в углах тонко прорезанного рта:

Если ты говоришь о нашем браке, то завтра же ему может быть положен конец. — И это вечность?

— Я говорю об исторической вечности.

— Нет, ты разумеешь нашу вечность с тобою! — возразила Эрле, а Илья пожал ей руку.

Эрле безмолвно улыбнулась; и вдруг побледнела; и снова болезненно и сладостно сжалось ее сердце при виде мраморного бюста ее первого возлюбленного. Благодарные современники поставили этот бюст знаменитому радиологу, работы которого произвели переворот в воздухоплавании и который пал жертвою в борьбе с элементом, целые века не поддававшимся усилиям ученого мира.

Но журчал и пел фонтан посреди двора, и жемчужные брызги падали в серебряный вызолоченный бассейн и на оранжевые венчики огромных настурций, которые вздрагивали, живые; но знойно светило солнце; но радостно кувыркались в воздухе дутыши, сверкая своими перьями, переливавшимися радугами зеленого опала; но голые дети, очаровательные, с телами цвета бронзы, весело упражнялись на верхней площадке в легкой атлетике и оттуда, с высоты кидались в протекавшую за стеной аэродрома светлую реку, быстро возвращаясь обратно через двор, радостные и мокрые; но поминутно мелькали пары и группы рабочих в нарядных летних платьяхи исчезали в лазурном небе, уносимые вверх легкими радиопланами, словно на крыльях гигантских стрекоз; но так ярко бился здоровый пульс жизни и так неизсякаема была она, что Эрле встрепенулась и отдалась ее потоку; «ушел» Григорий — его заменил Илья, и она оперлась на его мускулистую руку и вздрогнула, почувствовав плечом скульптуру его плеча.

Они вошли в ложу, сели в двуместное купэ радиоплана, назвали номер в трубку телефона, мальчик — управляющий аэродромом, — нажал в своем кабинете кнопку — и Эрле и Илья взвились, как два голубя, и утонули в синесолнечном сиянии дня.

IV

Мимо их радиоплаиа, построенного из прозрачного гибкого металла, проносились другие бесчисленные стрекозы. Рабочим хотелось подышать небесным воздухом. Столкновений нельзя было опасаться, потому что, заряженные одинаковою энергиею, аппараты отталкивались друг от друга на определенное расстояние. Это была система товарища Вольдемара, личного друга покойного Григория. К горю знавших его, Вольдемар запятнал свое имя преступлением.

Уже несколько десятилетий страна, известная на земле под именем Республики Гениев, наслаждалась внешним миром — война была упразднена и заменена международными состязаниями техников физического труда, ученых, поэтов и художников-и наслаждалась также внутренним спокойствием — отсутствием каких бы то ни было преступлений.

Их потому не было и не могло быть, что собственность была признана священною и неприкосновенною и никому не принадлежала в отдельности.

И воздух, и вода, и продукты земли, и все разнообразное товарное производство, все леса, сады, поля, реки, моря, корабли, дома состояли собственно из государственного коллектива. Что же касается движимости, то каждый работник имел возможность и право менять надоевшее ему платье, белье, драгоценности, посуду, картины, мебель, решительно все — в общественных магазинах и складах, стоило ему только показать единственную монету, на которой было выгравировано его имя и № его фабрики. Она была из драгоценного розового металла тверже и ковче золота и, обладая покупною силою, не истрачивалась, в роде «фармазонского» рубля, в существование которого верили наши предки. Вообще же не было денег совершенно.

Таким образом, при утвердившемся равенстве богатства, когда все принадлежало всем, и инстинкты жадности, зависти к имущим и праздным, бедность, нищета, голод, пороки, порожденные неравенством, разврат, как плод запрещения свободной любви, рабство и насилие перестали существовать и, во всяком случае, больше не проявляли себя — это было бы бессмысленно — убийство человека человеком стало чем-то невозможным — корыстный мотив исчез.

Конечно, сохранились личные богатства в сокровищнице человеческого духа; ученые, поэты и художники, творившие бескорыстно, приобретали громкое имя и славу; но о них знали только в ближайших

районах; при жизни их открытия, поэтические создания, картины, статуи, музыка и архитектурная фантазия считались продуктом коллективного творчества всей республики: лишь после смерти они удостоивались признания и религиозного прославления, им воздвигались монументы, размножались их портреты и всемирно провозглашались их имена: миллионерами духа великие люди становились лишь достигая бессмертия в крематории.

Товарищ Вольдемар в свободные от труда на фабрике часы занимался еще строительством. Ему же принадлежала идея воздушных санаторий и заоблачных островов отдыха. Старые санатории и города отдыха, впрочем, еще не изжили себя и, пролетая над окрестностями, Эрле и Илья видели быстро-развертывающуюся под ними карту, исчерченную серебряными каналами, пестреющую зелеными пятнами садов и рощ, золотыми точками шпилей общественных зданий, сверкающую гранями колоссальных теплиц. Эти теплицы, подобные брошенным на землю алмазам и светлым сафирам, и были городами отдыха для престарелых граждан, достигавших в стране за редкими исключениями, полуторастолетнего возраста.

Как все в республике, Вольдемар был счастлив, еще не стар и уже приближался к 60-летнему термину, освобождающему гражданина от обязательного трехчасового физического труда и дающего право на занятие высоких правительственных должностей; он был женат на прелестной тридцатилетней женщине, писавшей картины и служившей закройщицей в швейной мастерской; и вдруг — он убил ее!

— Что побудило его совершить это небывалое страшное преступление? спрашивала себя Эрле, думая о Вольдемаре, всегда таком изящном, уравновешенном и мудром человеке, бывшем ее учителем.

V

Воздушная станция «Небесная» висела незыблемым цветущим островом на высоте 3.000 футов между нынешним Петербургом, носившим уже другое имя, и Москвою — на перепутьи — и считалась одним из самых благоустроенных островов отдыха. И маленькие радиопланы, и большие корабли в форме лебедей, орлов и старинных фрегатов, постоянно причаливали к кружевным пристаням «Небесной» манившей глаз своими легкими хрустальными постройками и гармоничными букетами деревьев всех оттенков. Нежный пряный запах распространялся от острова — ароматы фиалок, лилий, резеды, роз, апельсинных и лимонных цветов и

жасмина смешивались, как сливаются звуки музыкальных инструментов в стройном оркестре.

Кстати, и музыка, воскресившая в последнее столетие угасшую было мелодию и развившая ее до крайнего совершенства, привлекала к «Небесной» множество посетителей. На ней были сосредоточены лучшие музыкальные механические инструменты, при чем сочетание древнего граммофона или раз навсегда установленного плана мелодий вместе с капризами эоловой арфы производило поразительные и неожиданные эффекты какой-то автоматической импровизации, вечно меняющегося и вечно нового музыкального калейдоскопа,

VI

Станция «Небесная» уже лет двадцать, как стала излюбленным местом отдыха рабочих, сюда прилетали для дружеских вечеринок и обедов, здесь справляли семейные и общественные праздники и тут же заключались браки, вписыванием имен жениха и невесты в особую роскошно-переплетенную алюминиевую книгу (вообще в Республике была в употреблении эта тончайшая металлическая бумага).

Эрле и Илья, выйдя из радиоплана, очутились в широкой аллее среди поэтических киосков и цветников и пленительных, скульптурных групп, сделанных из легкого материала, чтобы не обременять острова излищней тяжестью. Между прочим доступ на «Небесную» был ограничен: соблюдалась очередь, и все таки остров мог поднимать до 50.000 человек. Но были и другие острова отдыха и каждый отличайся чем-нибудь и привлекал к себе публику.

Гуляющих было уже много. Под легкой, умеряющей солнечный зной, прозрачной, как воздух, и сохраняющей ровную температуру, кровлей порхали, как клочки расшитого драгоценными камнями атласа и бархата, тропические бабочки, белые и изумрудные попугаи качались на ветках, колибри кружились над цветами, сами похожие на венчики цветов.

Печальный уклон мыслей, овладевших настроением Эрле, выпрямился, улыбка разцвела на ее губах в ответ на приветственные улыбки знакомых.

Среди последних вскоре оказались и товарищи, приглашенные Ильею на свадебный пир.

Брачная церемония, в сущности, представляла собою пережиток, уже не имевший сколько-нибудь серьезного значения. В киоске на столе лежала

книга, и желающие записывали в ней рядом свои имена. Сроком брачной связи полагался один год. Срок истекал, и тогда муж и жена требовали старую книгу и еще раз записывали свои имена. Было много случаев, когда старики вписывали свои имена в сотый раз и правили в кругу друзей свои вековые юбилеи.

Эрле получила поздравительный букет от товарищей, а Илья попросил их пройти на Западную эстраду, где был открытый балкон, и на нем уже приготовлен стол.

Пожав новобрачным руку, гости оставили на время мужа и жену.

— Ничто не разлучит нас теперь, Эрле, сказал Илья — несколько лет подряд ты была моей музой, хотя и не подозревала этого, и вот теперь ты так близка мне, и это такое счастье…

И он продолжал говорить все то. что в таких случаях говорили молодые люди и триста, и четыреста лет назад и о том, что прежде связывало и вечно будет связывать мужчину и женщину.

Эрле доверчиво опиралась на руку поэта. Но внезапно на повороте в темную аллею они встретили Вольдемара. По обыкновению, он был изысканно одет в коричневом кафтане, в соломенной шляпе с перламутровой пряжкой в лакированных башмаках; и с тростью в руке — по праву старости.

Он был так строен, красив и свеж, что нельзя было назвать его стариком; невидимому ему предстояла еще долгая жизнь, и только в темных глазах его залегло глубокое чувство скорби и душевного страдания.

— Здравствуй, Эрле, здравствуй, товарищ Илья, сказал он. — мне было приятно узнать, Эрле, что ты ценишь жизнь и сумела найти радость, которую потеряла, когда умер Григорий. И, конечно, Илья, при всех его достоинствах, может-быть, еще не совсем стоит твоей дружбы. Я помню тебя, Эрле, еще маленькой девочкой, ты всегда была хрупким, но очаровательным созданием. И тебя, Илья, помню, ты был задорным малым в моей школе, сорви-голова, и изводил меня стихами на уроках высшей математики. Правда и то, что математика и стихи, строго говоря, музыкально родственны. По всем этим мотивам, я считаю себя, разумеется, в праве быть сегодня вашим гостем и, как видите, прилетел на остров, который тоже мне немножко сродни— я был и его «воспитателем». Но, как вам известно, я обречен пожизненно носить золотой браслет; и кто пожмет мне руку и хоть на пол-часа, забудет тяготеющее на мне клеймо Каина?…

— Я вас всегда называю другом, — ответила Эрле, — и не сомневаюсь, что и Илья чувствует к вам незабываемое расположение. Золото у нас знак бесчестья и вы достаточно наказаны… Илья, не правда

ли?

— Правда, отвечал Илья, — золото знак бесчестья. Не знаю, как отнесутся к учителю Вольдемару гости наши. Я, лично, попрежнему жму ему руку и все-таки откровенно скажу: тяжела его каменная десница Бедный, старый друг, скажи, за что ты убил жену? Как мог ты запятнать кровью нашу, до той поры безгрешную, Республику? Уже третье десятилетие истекало, уже тридцатый раз на единственном новогоднем заседании Судебного Трибунала возвещалось миру, что в нашей стране в течение года не было совершено ни одного преступления и никто из граждан не был подвергнут наказанию или даже взысканию за какой-либо проступок — и вдруг!..

Эрле потупила глаза и пояснила:

— Может-быть, учитель находился в момент убийства в состоянии невменяемости.

— Нет, сказал Вольдемар, я не был безумен. Вернее — во мне проснулся кто либо из моих предков Я почти хладнокровно приговорил Анну *к* смерти. Я казнил ее, предварительно объявив ей приговор.

— Ты мог!

— За что?

— Я совершил даже два убийства. Она готовилась быть матерью.

— Вольдемар, чудовищно!

Знаю и страдаю.

— Но за что? За что?

— За измену.

— В любви?

— Да.

— Какое старое и смешное слово.

— Слово, но не факт, горестно сказал Вольдемар. — Ребенок родился бы не от меня, а все думали бы, что я его отец.

— Но, Вольдемар, вы древний. Такие взгляды были изжиты еще в XIX веке, и тогда уже эксцессы ревности являлись исключением.

— Я совершенно не могу войти в положение товарища Вольдемара, точно так же, как не могу себе представить Эрле в положении несчастной Анны. Однако, предадим забвению.

— Найдем вас, учитель, на Западной эстраде, сказала Эрле и протянула руку.

Вольдемар пожал ее руку левой рукой. Правая рука его была закована в толстый золотой браслет, плохо прикрываемый обшлагом рукава его щегольского кафтана

VII

Комендант «Небесной» был тоже, как и Вольдемар, вдохновляем предками, но не на уголовные эксцессы, а на изучение старины, поскольку она была прекрасна. Занятия в историческом Архиве привели его к заключению, что он потомок какого-то московского мецената нователя, славившегося в начале XIX века, художественного музея. Наружность у коменданта была тоже старомосковская. Трезвый стол и гигиеническое питание давно уже отучили население от излишеств, способствующих ожирению и развивающих желудочные и другие болезни. Мясо было изгнано повсеместным обычаем из общественных столовых. Но комендант был поклонником древней кухни — и у него было красное, круглое, бородатое лицо, большие здоровые зубы, толстая грудь и веселые глаза на выкате.

Он уже хлопотал около стола, накрытого на тридцать «персон», и любовался редчайшею фаянсовою посудою Поскочина, фабрики уже не существующей почти четыреста лет. Хотя современная посуда, по утверждению знатоков, во много раз превосходила красотою даже древние лиможские майолики и эмали, но комендант не ценил ее. Она была слишком распространена и он предпочитал в особых торжественных случаях похвастать севром, веджвудом, Поповым и Поскочиным. В граненых хрусталях рдели и играли красные и золотистые напитки. Гармонично пели серебряные фонтаны, трепетали живые цветы невиданной красоты, только что выхоленные искусными садовниками — неожиданные разновидности орхидей и обыкновенных луговых цветочков, доведенных культурою до странных форм и размеров.

— Милости просим, произнес комендант, церемонно отвешивая по клон вошедшим новобрачным и, в присутствии гостей, которым он ука зал места, сказал приветственную речь.

Речи, в особенности застольные, были в большой моде, вместе с предупредительностью и утонченной товарищескою вежливостью; но было принято, что больше трех минут речь не должна продолжаться. Общие места, заезженные фразы, повторение и нагромождение доказательств там, где мысль была ясна, не допускались и считались дурным тоном, точно также, как и длинные стихи, от которых требовалась музыкальная сжатость формы и содержания. — Зарвавшегося оратора не прерывали криками «довольно!» но председатель собрания нажимал кнопку, и раздавались оглушительные рукоплесканья из горла граммофона. Из особого

добродушного отношения к толстому коменданту, выслушали до конца его вступительную приветственную речь, затянувшуюся до пяти минут. Платформа в середине стопа вдруг выдвинула чудесные из тончайшего фаянса, на вид настоящие серебряные с матовыми украшениями поскочинские суповые миски и блюда, и комендант, как истый метрод’отель XIX века, вооруженный салфеткой, снял крышки и стал, начиная с новобрачных, угощать присутствующих и наливать в бокалы легкие вина.

Весело было всем. Забавляли замечания коменданта, непривычный вкус изысканных закусок и блюд, остроты; чокались, по примеру коменданта, с Ильей и Эрле. А молодой человек, избранный председателем стола, предложил, чтобы речь была сказана каждым, но чтобы длилась не больше одной минуты и чтобы она представляла собой крылатое слово. Если же кто умудрится на речь еще короче, того Эрле поцелует.

— Премия удовлетворяет, товарища?

— О, мы заранее завидуем счастливому сопернику! Нельзя было придумать лучшей премии! раздались голоса.

— А товарищ Эрле согласна?

Эрле прикрыла до половины лицо цветком и сказала:

— Согласна!

После белого, как снег, сливочного лебедя из миндаля и сахара — совсем во вкусе московских боярско-купеческих пиров — и искристого розового шампанского — все, все было в древнем стиле! — начались речи гостей.

Кто говорил прозой, кто стихами; были яркие сравнения и бросались блестящие образы. Один товарищ даже пропел приветствие звонким, как стеклянный колокол, тенором; но не было ни одного экспромпта, удовлетворявшего одноминутному сроку. Иные растягивались на полторы минуты, иным не хватало несколько секунд, чтобы удостоиться премии. Очередь дошла до самого Ильи. Он встал и сказал:

Есть блаженное страданье
И, в союзе с красотой,
Есть блаженство в обладании
Воплощенною мечтой.

— Ровно одна минута! вскричал комендант, державший хронометр в руке, и ударил, как в гонг, в большое серебряное блюдо. (Работы древнего

фабриканта Сазикова — пояснил он потом).

— Это даже несправедливо! — сказал председатель со смехом, — товарищу Илье все, и мимо нас скользнул, как быстролетный солнечный луч, никого не задев, поцелуй Эрле!

Эрле, улыбающаяся, бросила взгляд на Вольдемара, безмолвно сидевшего в конце стола. Он не притрогивался к еде, чувствуя себя отверженцем, и только пил. Комендант несколько раз хотел спросить его, кто пригласил его, но некогда было, и мешало хлебосольство.

Встал Вольдемар и сказал:

— Я тоже гость, и мне принадлежит последнее слово. Эрле, разреши!

Эрле кивнула головой.

Тогда Вольдемар вытянул вперед правую руку и откинул обшлаг рукава; позорно засверкало на его руке золото массивного гладкого браслета. Он произнес:

— Мертвый приветствует живых!

— Премия! — вскричала Эрле, побледнев, сама обошла стол, направилась к Вольдемару:

— Учитель, — вот мой поцелуй, и шопотом прибавила: — и наше прощение.

Он принял поцелуй, низко поклонился ей и всем и исчез в чаще кустарников, которыми зеленел угол эстрады.

Вскоре фигура его мелькнула у решетки воздушного балкона.

Невольно головы пирующих повернулись в ту сторону. Пир затянулся: плыли и клубились предзакатное облака, подобные гигантским опалам. Они удалялись в бесконечность, то и дело, меняя одни причудливые формы на другие. То они принимали очертания светозарных призраков— людей и животных, то развалин фантастических городов. Налетом серого пепла постепенно покрывались уже отсветы красной меди, в то время, как еще ярко горели раскаленные края облаков. Веяло беспредельностью и первозданной мощью с тускнеющих небес.

Вольдемара на балконе не было.

VIII

Предчувствие не обмануло Эрле. Илья тоже разделял ее сумрачное молчанье, когда они летели обратно в благоуханную летнюю ночь в свое общежитие, сопровождаемые кортежем товарищеских радиопланов, освещавших им путь разноцветными огнями и ракетами.

На другой день, утром, недалеко от реки, на песчаной дюне был найден труп Вольдемара.

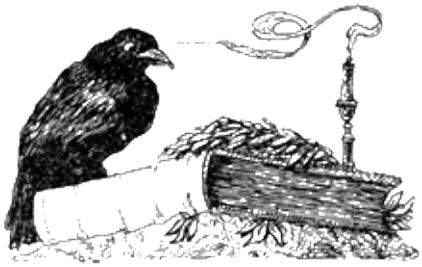

Браслет был снят с его руки и поступил в музей Судебного Трибунала. С золота было стерто имя Вольдемара и вновь награвировано: «Браслет последнего преступника».

Это было гордо, самоуверенно и даже заносчиво; но возможно, что Республика Гениев в самом деле не увидит больше преступлений, которыми страдало человечество в старые, страшные, кровавые года.

Иероним Ясинский.

Дом Книги 1922 г.

ДЖЕК ЛОНДОН

Бродяга, исследователь новых стран, рыболов, золотоискатель и чернорабочий, социолог, философ фермер — вот кто был покойный Джек Лондон. Его разнообразную деятельность всего вернее разграничить так: прежде всего он был искатель приключений, который шел по многим стезям и брался за все, что попадалось под руку; затем — сельским хозяином, жившим в более нормальной, хотя и не в такой бодрящей атмосфере и, наконец, — литератором по призванию; все остальные поприща отходят на задний план.

Джек Лондон умер41 года, — в возрасте, когда другие только начинают расширять свой кругозор путешествиями. Двадцати четырех лет он начал печататься, и первый его рассказ «Тысяча смертей» появился на страницах популярного американского журнала «Черный Кот» (The Black Cat).

Вот что рассказывает Джек Лондон о том, как было принято его первое произведение:

«Я, как говорится, был доведен до последней крайности, выбит из колеи, голодал, готов был вернуться в каменноугольные копи или обратиться к самоубийству. И вот однажды утром я получаю короткое и тоненькое письмо из редакции журнала. А журнал имел репутацию национального. Основан он был Брет-Гартом[1]). Я послал туда свой рассказ в четыре тысячи слов. Я был скромен. Вскрывая конверт, я

рассчитывал найти чек не больше, как на 40 долларов. Вместо того мне холодно сообщалось, что мой рассказ «приемлем» и что по напечатании мне будет уплачено пять долларов.

«Конец надвигался. Я был надломлен, как только может быть надломлен очень молодой, очень ослабевший и очень изголодавшийся юноша. И вот в тот же день, еще до вечера, почта принесла короткое и тоненькое письмо от м-ра Умбстеттера из «Черного Кота». Он сообщал мне, что присланный ему рассказ в четыре тысячи слов отличается не столько достоинствами, сколько длиною, и что если я разрешу ему разделить его пополам, то он сразу вышлет чек на сорок долларов.

«Я ответил редактору, что он может делить рассказ пополам, лишь бы он выслал мне деньги. Он прислал с обратной почтой. Именно этот случай заставил меня пойти по писательской дороге. Как в буквальном, так и в литературном смысле, я был спасен рассказом, напечатанным в журнале «Черный Кот».

Ред.

ТЫСЯЧА СМЕРТЕЙ

УЖЕ около часа пробыл я в, воде, окоченевший, изнемогший, со страшной судорогой в правом бедре, и, казалось, наступает конец. Тщетно пытаясь плыть против сильного течения отлива, я с отчаянием смотрел на скользившую мимо меня вереницу береговых огней. Теперь же, отказавшись от последних усилий побороть поток, я довольствовался горькими размышлениями о неудачной карьере, которая должна сейчас найти свой исход.

Мне посчастливилось увидеть свет в хорошей английской семье, но мои родители знали гораздо больше о банковских операциях, чем о природе детей и о вопросах воспитания. Родился я с серебряной ложкой во рту[2]), но благотворное веяние домашнего уюта оставалось мне совершенно чуждым. Мой отец, человек с большим образованием и весьма известный знаток старины, забывал о существовании своей семьи, будучи вечно погружен в свои кабинетные изыскания, а мать, более выделявшаяся своей красотой, чем здравым смыслом, только и жила комплементами постоянно окружавшего ее общества.

Я прошел всю лямку школы и колледжа, неизбежную для подростка английской зажиточней семьи, но с годами проявились накопившиеся силы и страсти, и мои родители вдруг должны были понять, что у меня есть бессмертная душа, и попытались натянуть удила. Но было поздно, не прекращалось мое дикое, бесшабашное сумасбродство, родные от меня отреклись, общество отомстило мне остракизмом за весь долгий ряд нанесенных ему оскорблений, и получив от отца тысячу фунтов с заявлением, что он больше не увидит меня и помогать мне не станет, я взял билет первого класса в Австралию.

С тех пор моя жизнь была бесконечным скитанием — с Востока на

Запад, из Арктических краев к Антарктике — и все это для того, чтобы, сделавшись хорошим моряком, дожив до тридцати лет, до полного расцвета сил, — утонуть в Сан-Францисской бухте из-за злополучно-удачной попытки дезертировать с корабля!

Правую ногу сводила судорогами я страдал неимоверно. Легкий ветерок, всколыхнув, избороздил море короткими волнами, вода захлестнула мне рот, проникла в горло, и я ничего не мог поделать. Хотя я еще держался на поверхности воды, но чисто инстинктивно — сознание быстро слабело. Смутно помню, как меня пронесло мимо мола, как мелькнул в глазах сигнальной огонь на правом борту какого-то парохода, а дальше — пустое место.

……..

Я услышал жужжащий говор насекомых, и в лицо мне повеяло ласковым весенним утром. Постепенно это перешло в какой-то ритмический поток, и мое тело, как-будто в ответ, мягко вздрагивало. Я плыл по нежному лону освещенного солнцем моря, в сонной истоме колыхался на каждой певучей волне. Но пульс забился чаще, жужжанье раздалось громче, волны увеличились, ожесточились — меня метало по бурному морю. Отчаяние овладело мною. Яркие, перемежающиеся вспышки света мелькали в моем сознании; в ушах стоял рокот водных пучин; потом щелкнуло что-то неосязаемое, и я проснулся.

Сцена, в которой я был главным действующим лицом, оказалась своеобразной. Мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что я лежу в самой неудобной позе, на полу каюты барской яхты. С обеих сторон, схватив меня за руки и раскачивая их как рычаги насоса, сидели два странно одетых чернокожих существа. Несмотря на свое знакомство с большинством туземных типов, я не мог определить их национальность. Какое-то приспособление было надето мне на голову и сообщало мои дыхательные органы с прибором, который я сейчас опишу. Однако ноздри мои были закрыты, так что приходилось дышать через рот. В перспективном ракурсе, вследствие отлогости линии зрения, я увидел две трубки, похожие на небольшие рукава насоса, но из другого материала; они были вставлены мне в рот и расходились под острым углом. Одна была коротка, и конец ее лежал на полу рядом со мной; вторая змеилась по полу кольцами и была соединена с аппаратом, который я обещал описать.

В то время, когда моя жизнь еще не уподоблялась тангенциальной [3])

игле, я не мало возился с наукой и, будучи знаком с приборами, и всеми атрибутами лаборатории, я теперь сразу узнал это приспособление. Оно было почти все из стекла и отличалось нестройностью конструкции, как обычно бывает в приборах для экспериментирования. Сосуд с водой был окружен воздушной камерой, к которой была прикреплена вертикальная трубка с шаром наверху; в средине его был кран воздушного насоса. Вода в трубке двигалась вверх и вниз, вызывая поочередно вдыхания и выдыхания, в свою очередь сообщавшиеся мне через рукав. При помощи этого прибора и людей, усердно раскачивавших мои руки, был вызван процесс искусственного дыхания, мою грудь заставляли подниматься и опускаться, мои легкие расширяться и сокращаться, пока природа не согласилась, наконец, снова приняться за свою обычную работу.

Я открыл глаза, и приспособление, надетое мне на голову и просунутое в рот и ноздри, тотчас убрали. Проглотив три рюмки крепкой водки, я, пошатываясь, встал на ноги, чтобы поблагодарить своего спасителя, и очутился лицом к лицу… со своим отцом! Но долгие годы постоянных встреч с опасностью научили меня самообладанию, и я ждал, не узнает ли он меня. *Не узнал.* Во мне он видел только беглого матроса, и этим определилось его отношение ко мне.

Я очутился лицом к лицу… с своим отцом.

Оставив меня на попечении чернокожих, он принялся просматривать записи, сделанные им по поводу моего оживления. Пока я уплетал поданный мне вкусный обед, на палубе началась суетня; по окрикам матросов и по скрипу блоков и снастей я догадался, что мы готовимся к отплытию. Вот умора! Пущусь в плавание по Тихому океану с отцом-домоседом! Да мне было смешно, а я и не подозревал тогда, на чьей стороне превосходство. И если бы, знал, то предпочел бы броситься за борт и захлебнуться в соленой воде, из которой меня только-что спасли.

Меня не пускали на палубу, пока мы не миновали Фаралонских островов и последних лоцманских лодок. Я оценил эту предусмотрительность со стороны моего отца и решил поблагодарить его попросту, по-матроссски. Я не мог подозревать, что у него были особые причины скрывать мое присутствие от всех, кроме команды яхты. Он кратко рассказал, как его матросы спасли меня, и уверил меня, что напротив он считает себя в долгу, так как мое появление было очень кстати. Он сконструировал аппарат в подтверждение теории, относящейся к известному разряду биологических явлений, и ждал только случая, чтобы испытать его на деле.

— «На вас удалось доказать несомненную правильность этой теории, — сказал он и, вздохнув, добавил — но только в применении ко второстепенному случаю — к оживлению утопленника».

Однако, не буду отвлекаться от рассказа — он предложил мне прибавку в два фунта стерлингов к прежнему моему жалованью, если я соглашусь продолжать с ним плавание, и по-моему это было довольно щедро, так как он, в сущности, во мне совершенно не нуждался.

Против моих ожиданий, мне не пришлось столоваться с матросами, на носу, и я имел доступ в комфортабельную парадную каюту и обедал за капитанским столом. Он заметил, что я не простой матрос, и я этим решил воспользоваться, чтобы укрепить его благожелательное отношение ко мне.

Для об‘яснения своей образованности и теперешнего положения я рассказал ему мнимую историю моей прежней жизни и всячески старался с ним сблизиться От меня не укрылась его наклонность к научным изысканиям, как и от него — мои способности. Я сделался его

помощником, вместе с этим было увеличено мое жалованье, и вскоре, когда он мне начал доверять и излагать мне свои теории, его восторженное увлечение передалось и мне.

Дни шли незаметно, так как я глубоко интересовался этими новыми научными занятиями и часами просиживал в его обширной библиотеке или прислушивался к его проектам и помогал ему в лабораторной работе. Но нам приходилось отказываться от многих заманчивых опытов, потому что корабельная качка исключала возможность тонкого и сложного экспериментирования. Однако, он обещал, что нам предстоит провести много очаровательных часов в великолепной лаборатории, которая была целью нашего путешествия. Он приобрел в собственность незанесенный на карту остров в Южном Океане и, как он говорил, превратил его в «научный рай».

Вскоре после нашего водворения на остров я узнал, в какую я попал страшную ловушку. Но прежде чем опишу странные обстоятельства дальнейшего моего пребывания с этим человеком, я должен кратко упомянуть о причинах, приведших в конце концов к самому потрясающему, что когда-либо выпадало на долю человека.

На склоне жизни мой отец охладел к пыльным красотам старины и предался другим, более ослепительным красотам, объединенным под общим названием биологии. Получив в юности основательное разностороннее образование, он быстро овладел всеми высшими отраслями знания, поскольку наука сказала свое последнее слово, и подошел к преддверию области неизведанного. Он решил завладеть раньше других частью этой никому еще не принадлежащей территории и как раз в этот период его исследований судьба свела нас вместе. Обладая головой, могу сказать без хвастовства, я усвоил его идеи и метод мышления и сделался почти таким же безумцем, как он. Впрочем, едва ли я имею право так выразиться. Поразительные результаты, достигнутые нами, могут только служить доказательством его здравомыслия. Могу только сказать, что он был извращеннейшим воплощением хладнокровной жестокости, какую я когда-либо встречал в человеке.

Проникнув в тайны физиологии и психологии, он приблизился к обширному полю, и чтобы лучше его исследовать, начал изучать высшую органическую химию, патологию, токсикологию[4]) и прочие науки и подчиненные отрасли знания, родственные между собою и служившие вспомогательным орудием в его гипотетических изысканиях. Исходя из предположения, что прямой причиной как временного, так и

окончательного прекращения жизнеспособности является коагуляция[5]) известных элементов и составных частей протоплазмы, он изолировал эти различные вещества и подверг их бесчисленным опытам. Так как временное прекращение жизнедеятельности организма вызывает оцепенение, а постоянное прекращение — смерть, то он заключил, что можно эту коагуляцию замедлить искусственными средствами, предупредить и даже преодолеть несмотря на крайнюю степень процесса сгущения.

Он закончил ошеломляющим заявлением, что эти опыты будут производиться надо мной…

Или — оставим в стороне технические термины — он утверждал, что смерть, если она не насильственна и не сопровождалась повреждением органов, представляет собою только приостановление жизнедеятельности; и что в таких случаях можно надлежащими приемами восстановить жизненные функции. Итак, вот в чем была его идея: открыть способ — и практическими опытами доказать его возможность — возобновления

жизнедеятельности в организме, который, повидимому, уже перестал жить. Конечно, он признавал тщетность всякой попытки после того, как началось разложение ему нужны были организмы, которые только за минуту, за час, за день перед тем были полны жизни. На мне он вчерне уже проверил свою теорию. Я действительно утонул, действительно уже умер, когда меня вытащили из воды в бухте Сан-Франциско, — но жизненная искра разгорелась снова благодаря его аэротерапевтическому[6]) аппарату, как он его называл.

А теперь о его мрачных замыслах, касавшихся меня. Сначала он показал мне, до какой степени я всецело в его власти. Яхту он отослал на целый год, оставив при себе только двух чернокожих, которые были ему бесконечно преданы. Затем он всесторонне изложил мне свою теорию, указал путь, которого он решил придерживаться в своих исследованиях, и закончил ошеломляющим заявлением, что эти опыты будут производиться надо мной.

Я бывал перед лицом смерти и взвешивал свою судьбу не раз в минуту отчаяния, но ничего подобного мне еще не приходилось переживать. Могу присягнуть, что я не трус, и однако эта перспектива многократного перехода взад и вперед через границу смерти обуяла меня желтым ужасом. Попросил дать мне время на размышление — он разрешил, сказав однако, что у меня выбора нет — я должен покориться. Бежать с острова — немыслимо; о спасении посредством самоубийства не приходилось говорить, хотя, по правде, такой конец был лучше того, что мне предстояло; моя единственная надежда сводилась к попытке убить моих насильников. Но и эта надежда разбивалась о предосторожности, соблюдавшиеся моим отцом. Я находился под постоянным наблюдением, и даже во время моего сна при мне дежурил один из чернокожих.

Убедившись в тщетности просьб, я заявил и доказал, что я его сын. Это была моя последняя карта, и я возлагал на нее последние ожидания. Но он был неумолим; не отец он был, а научная машина. Мне до сих пор непонятно, как это он мог жениться на моей матери, ведь ни искорки чувства не было в его натуре. Все и вся для него сводилось к разуму, и непостижимы были для него ни любовь, ни чувства других людей, — он их понимал только как мелочные слабости, которые надо заглушать. И вот он заявил мне, что раз он дал мне жизнь, то кто же имеет большее право и отнять ее у меня? Однако, сказал он, не об отнятии жизни идет речь: он хочет только брать у меня ее взаймы, обещая вернуть через определенное время. Конечно, возможны и несчастные случаи, но этой возможности я должен покориться, потому что от нее не застрахован ни один человек.

Для лучшего обеспечения успеха он требовал, чтобы я находился в наиболее благоприятных условиях, поэтому мне приходилось питаться и тренироваться, как знаменитому борцу перед чемпионатом. Что я мог поделать? Раз предстояла опасность, то не лучше ли было бы встретить ее во всеоружии сил? В часы моего отдыха он разрешал мне помогать ему в установке приборов и в производстве разных вспомогательных опытов. Легко представить себе, как вся эта работа занимала меня. Я овладел сутью дела почти также основательно, как и он сам, и не раз имел удовольствие видеть осуществление некоторых предложенных мною нововведений и изменений. А потом мне оставалось лишь горько усмехаться при мысли, что я ведь помогаю обставлять свои собственные похороны.

Начал он рядом опытов по токсикологии. По окончании всех приготовлений я был убит значительной дозой стрихнина и часов двадцать пролежал мертвым. Прекратилось и дыхание и кровообращение.

Но самое ужасное заключалось в том, что, пока шел процесс сгущения протоплазмы, я сохранял сознание и мог изучать картину процесса во всех ее жутких подробностях.

Прибор, долженствовавший вернуть меня к жизни, состоял из герметически закрытой камеры, устроенной, по размерам человеческого тела. Механизм был прост — несколько клапанов, вращающийся вал с поршнем и электромотор. Во время опыта внутренняя атмосфера поочередно сгущалась и разрежалась, сообщая таким образом моим легким искусственное дыхание, без помощи трубок, примененных в первом опыте. Хотя тело мое было инертно и, я готов сказать, находилось уже в первой стадии разложения, однако, я сознавал все, что происходило вокруг меня. Я помню, как меня клали в камеру, и несмотря на оцепенение всех моих ощущений, я смутно чувствовал подкожные впрыскивания реагента, который должен был противодействовать процессу коагуляции. Потом камеру закрыли, и была пущена в ход машина. Тревога моя была неописуема; но кровообращение постепенно восстановилось, различные органы начали отправлять свои функции, и через час я уже мог накинуться на вкусный обед.

Нельзя сказать, чтобы я с охотой принимал участие в этом или в последующем ряде опытов, но после двух неудачных попыток к бегству я все-таки начал даже интересоваться ими. К тому же я стал привыкать. Мой отец был в восторге от удачи и, по мере того как проходили месяцы, его замыслы охватывали все более широкие горизонты. Мы испытали три больших класса ядов — невротические, газообразные и раздражающие, — но тщательно избегали некоторых раздражающих из категории

минеральных и оставили целиком в стороне группу раз'едающих. Во время «режима» ядов я успел совершенно привыкнуть к умиранию, и только одна неудача поколебала мою укреплявшуюся веру. Произведя насечки на мелких кровеносных сосудах на моей руке, мой отец ввел ничтожную дозу самого страшного из ядов — яда, служащего для отравления стрел, так называемого «курарэ». Я сразу потерял сознание, вслед затем быстро прекратилось дыхание и кровообращение, и сгущение протоплазмы зашло так далеко, что он уже отказался от всякой надежды; но в последнее мгновенье он применил открытие, над которым в то время работал, и, ободренный признаками успеха, удвоил усилия.

В стеклянной безвоздушной трубке, похожей, но не тождественной с круксовой, было сосредоточено магнитное поле. Под действием поляризованного[7]) света она не давала явлений фосфоресценции или прямолинейного выбрасывания атомов, но испускала несветящиеся лучи, сходные с икс-лучами. В то время, как икс лучи могут обнаруживать непрозрачные предметы, скрытые в плотной среде, — эти лучи обладали еще более тонкою способностью проникновения. При их посредстве он сфотографировал мое тело и нашел на негативе бесчисленное множество смазанных теней, указывавших на все еще продолжающиеся химические и электрические движения. Это было несомненное доказательство, что rigor mortis, в котором я находился, еще не окончился; то-есть, таинственные силы, те нежные звенья, которые связывали мое тело с душой, все еще продолжали действовать.

Последствия других отравлений были незаметны, если не считать ртутных соединений, после которых я в течение нескольких дней чувствовал какую-то усталость.

Другой ряд восхитительных опытов относился к электричеству. Через мое тело было пропущено 10.000 вольт, чем была доказана правильность утверждения Теслы, что токи высокого напряжения совершенно безвредны. А когда ток уменьшили до 2.500 вольт, то меня сразу убило током. На этот раз отец рискнул оставить меня мертвым или в состоянии приостановленной жизнедеятельности в течение трех дней. Для моего оживления понадобилось четыре часа.

Однажды он привел меня в состояние столбняка; но ужас этого рода смерти был так мучителен, что я решительно воспротивился подобным опытам. Самые легкие виды смерти были от асфиксии: например, утопление, удушение, отравление газом; смерть от морфия, опия, кокаина и хлороформа тоже была не тяжела.

В другом случае, после удушения он продержал меня в холодильнике

три месяца, предохраняя меня от разложения и полного замерзания.

Это произошло без моего ведома, и я был сильно напуган, когда узнал, сколько прошло времени. Я начинал бояться всего, что могло прийти ему в голову, пока я лежу мертвый, и мою тревогу усиливала начинавшаяся в нем наклонность к вивисекции. Вслед за последним воскресением своим из мертвых, я заметил, что он производил опыты над моей грудью. И хотя он тщательно наложил швы и забинтовал надрезы, однако они были так значительны, что я несколько дней пролежал в постели. И вот во время этой болезни я замыслил план моего будущего спасения.

Мою тревогу усиливала начавшаяся в нем склонностьк вивисекции…

Продолжая показывать вид, что я попрежнему безгранично увлечен лабораторными опытами, я выпросил себе передышку в моей роли умирающего. Во время этого отдыха я работал в лаборатории, а он был слишком поглощен вивисекцией животных, которых ловили ему чернокожие, чтобы обратить внимание на мои занятия.

Я построил свою теорию на следующих двух положениях: во-первых, на электролизе или разложении воды на ее составные части посредством

электричества; во-вторых, на гипотетическом существовании силы, обратной тяготению, и которую Астор назвал «аспергией». Земное притяжение, например, только притягивает предметы друг к другу, но не соединяет их; таким образом аспергия есть не более как взаимное отталкивание. Атомистическое же или молекулярное притяжение не только притягивает друг к другу предметы, но и спаивает их воедино; и вот именно обратное этому, то-есть расщепляющую силу мне было нужно найти, и не только открыть ее, проявить, но и управлять ею по своему желанию. Сила, которую я хотел найти, должна была оказывать такое же действие не только на два, но и на все элементы, независимо в каких бы соединениях они ни находились. После этого стоило мне только заманить отца в сферу ее действия, и он был бы подвергнут мгновенному распаду и рассеялся бы во все стороны облаком отдельных химических элементов.

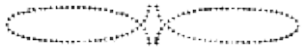
Не надо думать, что эта сила, которую мне в конце — концов удалось подчинить своей власти, уничтожала материю, — она лишь уничтожала форму. Кроме того, как я вскоре открыл, она не оказывала никакого действия на предметы неорганической структуры; но она была безусловно роковой для любой органической формы. Такое как бы пристрастие сначала озадачило меня, но если бы у меня было время хорошенько вдуматься, я увидел бы в чем дело. Так как число атомов в органических молекулах гораздо больше, чем в самых сложных молекулах минеральных, то органические молекулы отличаются своей неустойчивостью и легкостью, с какой они расщепляются под влиянием физических сил и химических реакций.

Посредством двух мощных батарей, сообщавшихся со специально устроенными электромагнитами, я мог сосредоточить две громадных силы. В отдельности они были совершенно безвредны; но они отвечали своему назначению, так как сходились в фокусе — в невидимой точке на одинаковом расстоянии от полюсов. Испытав на практике действие прибора, при чем я сам чуть не подвергся мгновенному распылению, я расставил свою ловушку. Спрятав магниты таким образом, что их сила превращала все пространство против двери моей спальни в смертоносное поле, и поместив у своего изголовья кнопку, при помощи которой я мог включить ток от батарей, я лег на кровать.

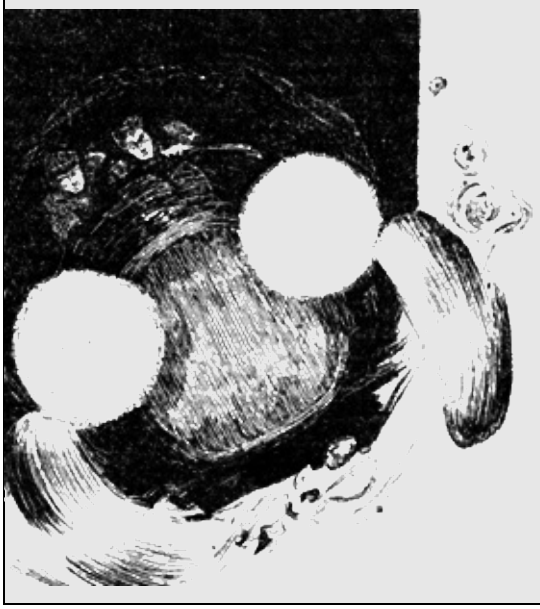
Чернокожие продолжали сторожить меня во время сна, сменяя один другого в полночь. Я включил ток, как только пришел первый из них. Едва успел я задремать, как меня разбудил стук какого-то предмета, с металлическим звоном упавшего на пол. На пороге лежал ошейник Дана, сенбернара моего отца. Мой телохранитель подбежал, чтобы подобрать его.

Он исчез, как дуновение ветра, только одежда его кучей упала на пол. В воздухе слегка потянуло озоном, но так как главные газовые составные части его тела были водород, кислород и азот, не имеющие ни цвета, ни запаха, то исчезновение его не ознаменовалось больше ничем. Но когда я, выключив ток, убрал одежду, то я нашел остаток углерода в виде угля, а также другие порошкообразные вещества, — изолированные твердые элементы его организма, как сера, калий и железо. Расставив снова ловушку, я снова забрался в постель. В полночь я встал и ^убрал останки второго чернокожего и потом спокойно проспал до утра.

Меня разбудил громкий окрик отца, который звал меня в лабораторию. Я усмехнулся. Некому было разбудить его и он проспал. Я слышал, как он подходил к моей комнате, чтобы поднять меня с кровати; и я присел в постели, чтобы лучше видеть его исчезновение — или, правильнее, апофеоз. Он на мгновенье остановился на пороге, потом сделал роковой шаг. Ффф! Точно ветер прошуршал среди сосен. Его не стало. Причудливой грудой лежало на полу его платье. Кроме озона я заметил слабый, похожий на чеснок, запах фосфора. Среди одежды лежала кучка твердых элементов. Вот и все. Мировой простор свободен. Моих поработителей нет.

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

А. Конан Дойля.

ОН был пишущий медиум.

Вот что он записал:

Я могу вспомнить отчетливо и ясно некоторые события этого вечера, но кое-что представляется мне смутным, оборвавшимся сном, и поэтому трудно передать все случившееся со мною в связном, последовательном рассказе. Теперь я уже не помню, какое дело привело меня в Лондон и отчего я задержался там так поздно. Очевидно, это находится в связи с моими прежними лондонскими поездками. Все становится необычайно ясным с того момента, когда я вышел из поезда на маленькой станции. Я снова переживаю каждое мгновение.

Я ясно вспоминаю, как шел к выходу по платформе, смотря на освященные часы в конце ее, которые показывали половину двенадцатого. Помню также мои расчеты — успею ли попасть домой раньше полуночи. Большой автомобиль, сверкавший полированной медью, с ослепительными фонарями, ждал меня снаружи. Это был мой тридцати сильный Робур, новая машина, только в тот день доставленная мне. Помню, я спросил Перкинса, моего шофера, как она идет, и он ответил мне, что, по его

мнению, машина превосходная.

— Я хочу испытать ее сам, — сказал я и поднялся на место шофера.

— Коробка скоростей здесь другая, сер, — заметил он: может быть, лучше я поведу машину?

— Нет; я хочу испытать ее, — сказал я.

Нам предстояло проехать расстояние в пять миль. Мы тронулись в путь.

В моем старом автомобиле перевод скоростей был, как обычно, на зарубках рычага. В этой же машине нужно было перевести рычаг перемены скоростей сквозь вилочку, чтобы перейти к высшей скорости. С этим нетрудно было справиться, и вскоре я подумал, что вполне освоился с делом. Без сомнения, было безумием начать изучение новой системы в темноте, но люди часто делают безумные вещи и не всегда расплачиваются за них полностью. Я вел машину очень хорошо до тех пор, пока мы не достигли Клейстол Хилла. Это один из самых скверных холмов в Англии, длиною мили в полторы, с под‘емом один на шесть в некоторых местах и с тремя очень крутьши поворотами. Ворота моего парка находились у самого подножья его, около большой дороги, ведущей в Лондон.

Тревога началась тогда, когда мы только-что миновали вершину холма, и спуск был особенно крут. Я ехал на третьей скорости и хотел перевести машину на четвертую, но зубчатки в коробке заели и я должен был перевести ее обратно на третью. Тем временем она шла полным ходом, так, что я применил оба тормоза, и один за другим они сдали. Когда я открыл, что мой ножной тормоз отказывается служить, я не придал этому значения, но когда я всеми силами налег на ручной тормоз и рычаг дошел до конца, не захватывая, я почувствовал, что покрываюсь холодным потом… В это время мы неслись вниз по склону холма с ужасающей быстротой. Фонари горели ослепительно, и первый поворот мне удалось сделать благополучно. Второй поворот мы пролетели на волосок от канавы. Теперь нам оставалось около мили прямого пути, затем третий поворот и ворота парка.

Если мне удастся влететь в эту пристань, все будет спасено, потому что подъем к дому остановит машину.

Перкинс держал себя великолепно. Мне бы хотелось, чтобы это стало известным. Он был совершенно спокоен и сообразителен. В срамом начале я хотел свернуть с дороги на насыпь и он угадал мое намерение.

— Я бы не стал делать этого, сэр, — сказал он: при таком ходе машина непременно перевернется и накроет нас.

Несомненно, он был прав. Он перевел рукоять зажиганья и выключил мотор, но мы продолжали нестись с той же скоростью. Он положил руки на

колесо.

— Я буду вести ее, — сказал он — если вы хотите попытаться выпрыгнуть. Нам не обогнуть этого поворота. Лучше спрыгнуть, сэр.

— Нет, сказал я: я буду бороться до конца., Вы можете спрыгнуть, если хотите.

— Я останусь с вами, сэр, сказал он.

Если бы эго была старая машина, я бы перевел рычаг скоростей на обратную скорость и посмотрел, что из этого выйдет. Я думаю, она бы сорвала зубцы или сломалась, но все-таки оставалась надежда спастись. Теперь же я был беспомощен. Перкинс пытался повернуть машину поперек, но при нашем ходе это было абсолютно невозможно. Колеса шумели и свистели, как вихрь, и все большое тело машины трещало и стонало от напряжения. Но фонари светили по-прежнему ярко и можно было рассмотреть каждый дюйм. Помню, я думал о том, какое ужасное и в то же время величественное зрелище должны мы представлять. Это была узкая дорога, и мы неслись, как огромная грохочущая золотая смерть каждому, кто попался бы на нашем пути.

Когда мы огибали угол, одно колесо поднялось на три фута над насыпью. Я думал, что машина перевернется, но, сильно покачнувшись, она выпрямилась и понеслась дальше. Это был третий и последний поворот. Оставались только ворота парка. К сожалению, они находились не против нас, а приблизительно на расстоянии двадцати ярдов влево от главной дороги, по которой мы мчались. Может-быть, мне бы и удалось въехать, но я думаю, что зубчатая передача руля испортилась, когда мы летели у края; колесо поворачивалось с трудом. Мы свернули с дороги. Слева я видел открытые ворота. Я изо всех сил повернул колесо, Перкинс и я налегли на него всем телом, и в следующее мгновение, несясь с быстротой пятидесяти миль в час, правым передним колесом машина налетела на правую колонну моих ворот. Я услышал треск, почувствовал, что лечу куда-то, а потом… потом!..

Налетел передним колесом на ворота.

Когда я пришел в себя, я увидел, что нахожусь под тенью дубов, на аллее, ведущей к дому. Какой то человек стоял подле меня. Сначала мне показалось, что это Перкинс, но, вглядевшись пристальнее, я узнал Стенлея, с которым был знаком в колледже несколько лет тому назад и к которому питал искреннее расположение. Во всей личности Стенлея было для меня что-то особенно симпатичное и я всегда с гордостью думал, что и на него я произвожу подобное же впечатление. В настоящее мгновение я был удивлен, увидя его здесь, но голова моя кружилась, я чувствовал себя как во сне после сильного потрясения и готов был принимать вещи, как они есть, не задавая вопросов.

— Какое крушение! — сказал я: — Боже мой, какое страшное крушение!

Он кивнул головой и в темноте я мог заметить, что он улыбается своей обычной тихой, задумчивой улыбкой.

Я чувствовал себя совершенно не в состоянии двинуться, даже не было желания сделать попытку пошевельнуться, но все окружающее воспринимал с необычайной ясностью. Я видел обломки мотора, освещенного движущимися фонарями; видел маленькую кучку людей и слышал заглушенные голоса. Там был привратник с женой и еще один-два человека. Они возились около машины, не обращая на меня внимания.

Внезапно я услышал крик боли.

— Эта тяжесть давит на него. Поднимайте осторожно, — крикнул чей то голос.

— Нет, это только моя нога, — сказал другой голос, по которому я узнал Перкинса. — Где хозяин? — кричал он.

— Я здесь, — ответил я, но они казалось, не слыхали меня. Все они склонились над чем-то, лежащим впереди машины.

Стенлей положил руку на мое плечо и его прикосновение было невыразимо успокоительно. Мне стало светло и радостно, несмотря ни на что.

— Боли, конечно, не чувствуете? — спросил он.

— Никакой, — ответил я.

— Ее никогда не бывает, — сказал он.

Внезапно изумление охватило меня. Стенлей! Стенлей! Как, но ведь он умер от дезинтерии во время бурской войны!

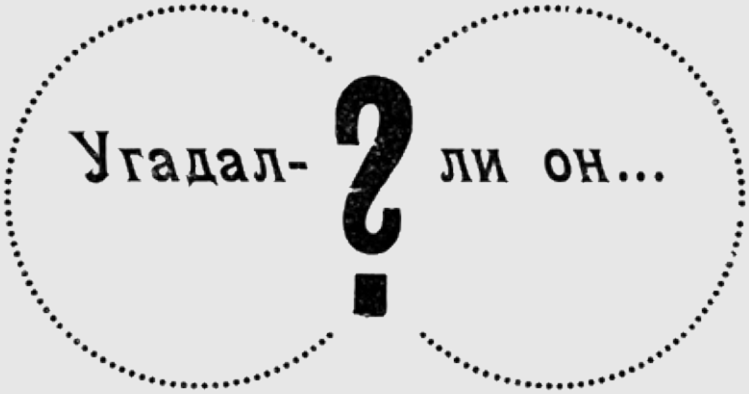
— Стенлей! — крикнул я, и слова сдавили мне горло: — Стенлей, ведь вы же умерли!

Он посмотрел на меня с тою же тихой, задумчивой улыбкой.

— И вы, — ответил он.

УГАДАЛ-ЛИ ОН?

Рассказ загадка А. Е. Зарина.

В ТИХИЙ осенний вечер, когда заходящее солнце словно последней улыбкой освещает землю и вся природа проникнута неиз’яснимой грустью — она вышла из деревенской школы, в которой жила, прошла через деревню и села на камень под деревом, почти у края дороги.

Дорога шла из Гатчины и здесь двумя разветвлениями уходила в лес— направо и налево.

Сегодня по ней до самого вечера тянулись обозы, проходили войска, мчались автомобили, скакали всадники.

С ночи до зари, на заре, утром и до полудня торопливо шли, отступая, войска белых. Они спасались и сплошной лавиной устремлялись по одной из дорог, идущих через лес.

А позднее стройными рядами тянулись войска Красной Армии и шли через тот же лес по другой дороге. Только к вечеру утихло движенье, углеглась пыль на дороге и природу об яла тишина и мир. Всю ночь и утро гремели выстрелы и ухали пушки и тишина осеннего вечера казалась от этого торжественнее и полнее.

Школьная учительница, Наташа, сидела на камне и смотрела на чернеющий лес, который медленно погружался в темноту. Она была в темном платье, покрытая теплым большим платком, который закрывал ее красивое, строгое, исхудавшее лицо.

Смотря в лес, вдыхая свежий воздух, проникаясь грустью осеннего вечера, она отдыхала от рабочего дня и думала все те же скучные неотвязные думы.

К тому ли готовилась она в жизни, так ли осуществлялись ее мечты о личном счастье? Радостное, беспечное детство, счастливая юность а там— словно налетевший шквал смел с ее дороги всех любящих, все радостное и оставил горе, обиды, разочарования.

Отец и брат убиты на страшной войне, мать умерла и она вдруг осталась одна. В отчаянии она искала дела, чтобы забыться и пошла в сестры милосердия и там встретила его, нанесшего ей последний удар.

Что знала она, неопытная девушка, брошенная, одинокая, о лживых людях, о лживых словах, о человеческой подлости? Он был красив, изящен, весел. Он первый открыл ей счастье любви, озарил ее жизнь теплом и светом.

А потом бросил… позорно бежал, оставив ей холодное, обидное письмо. И снова одиночество и горечь обиды и жажда мести.

Пронеслась революция и Наташа нашла себе приют и работу в сельской школе, но разве к этой доле готовила ее жизнь?..

Она сидела на камне, смотрела на чернеющий лес и воспоминания роем кружились в ее голове.

Он был легко ранен, а потом оставлен в тылу и прикомандирован к госпиталю, где работала Наташа.

При первой же встрече она почувствовала себя в его власти и он сразу понял свое положение.

Любил-ли он?

Наташа горько покачала головой. Такие люди не любят.

Они знают любовь только к себе и для своей прихоти готовы разбить и счастье другого и даже бросить на позор свою жертву. Для них жизнь праздник, пока не пробьет час возмездия.

Где он, что он делает, мелькает ли хоть на миг в памяти его ее имя, ее позор?..

Вечерние сумерки сгущались, повеяло холодом. Наташа плотнее завернулась в платок и собралась встать, когда увидела приближающегося к ней со стороны Гатчины человека.

Она поднялась и остановилась, вглядываясь в подходящего к ней. Он хромал и шел, опираясь на палку, на нем была накинута офицерская шинель с белой перевязью на рукаве. Очевидно это был белогвардеец.

Сгустившиеся сумерки мешали рассмотреть черты его лица.

Он подошел к Наташе, прикоснулся свободной рукой к козырьку

фуражки и сказал:

— Здесь проходили белые и красные. Не можете ли вы указать мне, по какой дороге шли белые? Я думал укрыться в Гатчине, но это невозможно. Я спасаюсь от плена и расстрела. Куда мне итти?

При первых звуках его голоса, Наташа вздрогнула, выпрямилась и плотнее завернулась в платок.

Это его голос. Обмануться она не могла.

— Отчего вы не ушли с вашими друзьями на заре? — спросила она глухим голосом.

Он тяжело опустился на камень, на котором раньше сидела Наташа, вытянул больную ногу и беспечно ответил:

Я думал сначала, что наши отобьются. Потом, когда красные заняли город, я спрятался в погреб. Спрятала хозяйская дочь. — Он засмеялся. — А потом отец ее меня выгнал. Спасибо, проводил до какой-то лазейки, И вот я на дороге, без компаса, коня, с одним револьвером и с тысячью опасностей. Куда мне итти? Направо, налево, прямо в чащу?… и нет ни одной папиросы.

— Все также легкомысленны и беспечны? — с горечью сказала Наташа.

— Все также? — с удивлением произнес он. — Откуда вы меня знаете?

— Сергей Петрович Волынцев. Как вас не знать.

Офицер быстро встал и шагнул к Наташе.

— Кто вы?

— Я? Учительница из деревни. Отсюда, — она показала рукой.

— Не то. Ваше имя, откуда вы меня знаете?

— Не все ли равно? Сейчас для вас самое главное знать дорогу к своим.

— Не знаю, — ответил он, — сейчас мне важнее узнать, кто вы?

— Пока мы будем говорить, могут появиться красные…

— Мне все равно… — Волынцев снова опустился на камень. — Я прошу извинить меня, но у меня болит нога.

— Что с ней?

— Пустое. Старая рана, а теперь зашибла лошадь. Ну-с, ваше имя? — он хотел придать голосу беспечный тон.

Она покачала головой — Вам будет тяжело его услышать, а мне назвать себя. К чему?

— Интрига. Словно маскарад, — засмеялся он. — Почти ночь, большая дорога, я спасаюсь от плена и вдруг загадочная встреча. Нет, я не

могу уйти.

Она вздрогнула.

Как он может быть так беспечен? Сила духа или полное ничтожество? Неужели то зло, которое он принес ей, не оставило никакого следа в его памяти? — Она подошла к нему:

— Чтобы окончить эту маскарадную беседу, я скажу вам кто я и куда вам надо итти, — прошептала она глухим голосом.

Он встал и придвинулся к ней.

— Меня зовут Натальей Алексеевной Скрыдниной. Наташей. Ваша дорога туда, налево.

Она указала рукой и быстро пошла.

Волынцев сначала отшатнулся, потом выпрямился. — Наташа! — воскликнул он, но она уже скрылась.

Он постоял несколько мгновений, снял фуражку и провел рукой по лицу, но через минуту оправился. Надел пальто в рукава, сорвал белую повязку и, опираясь на палку, пошел по указанному Наташей направлению.

Дорога разветвлялась направо и налево.

Он вдруг остановился, с мгновенье постоял в раздумьи и затем резко переменил направление и пошел *не по той дороге*, на которую указала Наташа, а по другой…

По какой? к своим, белогвардейцам, или следом за красными?

Угадал ли он?

……..

Я не берусь решить этого вопроса и предоставляю решить его читателям и читательницам.

Сердце женщины задача, Нерешенная умом…

В делах любви и ревности политика почти не играет никакой роли.

Наташа обижена этим человеком и месть была в ее руках. Она могла послать его к красным.

Но в Наташе могла шевельнуться и жалость к когда-то любимому человеку; разве месть может залечить рану, заставить смолкнуть чувство обиды, вернуть беспечную радость?

Пусть решат этот вопрос читательницы, куда бы они послали этого Волынцева — к белым или к красным?

А читатели пусть решат, угадал ли Волынцев, не поверив Наташе и выбрав другую дорогу?

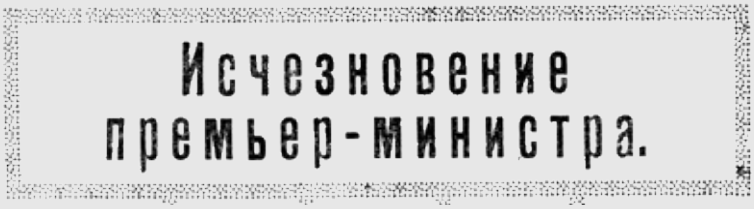
А. Зарин.

От редакции. — Ответы на предложенные вопросы надо присылать по адресу редакции и в следующем № будет сделан подсчет мнений читателей и читательниц на предложенный вопрос:

«Угадал-ли он?»

ИСЧЕЗНОВЕНИЕПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

Исчезновение
премьер-министра.

РАССКАЗ ГЕНРИ ГЕРИНГА

I.

В ЭТОТ вечер герцог Гислей, премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании, обедал один в своем дворце. Он был глубоко озабочен: как внутри страны, так и в международных отношениях на политическом горизонте собирались тучи; в течение многих дней ему приходилось сталкиваться со всевозможными неприятностями, и ответственность, делавшаяся тяжелее с каждым часом, лишала его жизнерадостности и аппетита. Часов в девять он взял свою трость, шляпу и вышел подышать свежим воздухом.

Выходя из дворца, он не испытывал и тени того предчувствия, какое нередко предшествует великим катастрофам, а тем не менее он переступал порог своего дома последний раз как премьер-министр.

— Ах. как хорошо было бы отдохнуть и предоставить другим бразды правления, — мечтал он, идя по людным улицам. — А еще лучше было бы выпить немного свежей воды, — прибавил он про себя, так как вечер был жаркий и душный.

Сесть за столик в одном из многочисленных кафе, переполненных народом, было для него делом немыслимым. Неподалеку он заметил маленький аптекарский магазин, зайдя туда, спросил’ стакан воды.

Аптекарский ученик, производивший за прилавком какой-то анализ,

поднял на него отсутствующий взор, рассеянно протянул руку к полке за бутылкой дистилированной воды, налил стакан и, передав его премьер министру, снова погрузился в свои вычисления. Министр выпил воду, поблагодарил и вышел, оставив на прилавке серебряную монету. Эта монета привлекла внимание аптекарского ученика. Вернувшись к действительности, он заметил пустой стакан и в ужасе закричал:

— Боже мой, Боже мой! Я дал ему воду Леты, воду Леты, дарующую забвение, уничтожающую память на более или менее длительный срок в зависимости от количества выпитой воды. А он выпил почти полный стакан…

Он начал лихорадочно высчитывать, сколько времени будет действовать такая доза на взрослого человека, и, потрясенный своими расчетами, забормотал:

— Три года и два месяца… В течение тридцати восьми месяцев он не сможет вспомнить даже собственного имени.

Когда первое волнение прошло, он начал размышлять:

— Три года забвения… По истине, это ужасно… но это более, чем достаточно, чтобы он навсегда забыл причину катастрофы… не говоря уж о том, что за три года многое может измениться.

И, почти успокоенный, он вздохнул с облегчением.

Выйдя из аптеки, герцог ощутил блаженное состояние покоя. Все дневные заботы его испарились. Он долго бродил по улицам, удивляясь и восхищаясь всем окружающим, и наконец, присел на лавочку в каком-то парке, ни о чем не думая, ни о чем не вспоминая. Мало-по-малу парк опустел, только несколько бродяг слонялись по дорожкам. Двое из них подошли к герцогу.

— Честный буржуй вышел проветриться, — пробормотал один.

— Добрый вечер, сударь, — сказал другой, присаживаясь на лавочку.

Герцог не отвечал.

— Он или пьян или идиот, — заявил бродяга своему товарищу — не пошарить ли нам у него в карманах?..

Они начали ощупывать премьер-министра, вытащили его бумажник и в две минуты совершенно обобрали. Вначале их жертва проявляла некоторые признаки волнения, а затем впала в состояние полного безразличия, предоставив мошенникам радоваться легкой добыче. Один негодяй пожелал обменять свой головной убор на шляпу герцога, а другой натянул на себя его летнее пальто.

После этого здоровый удар кулаком свалил государственного мужа на траву, и бродяги скрылись. Несколько мгновений спустя, на дорожке

появился какой-то человек. При виде джентельмена в вечернем костюме, в грязной фуражке на голове, сидящего на траве и громко рыдающего, он разразился хохотом:

— Чорт возьми, но ведь это же… И он отвесил низкий поклон — добрый вечер, ваша светлость.

Герцог рыдал попрежнему. — Недурное положение для вашей светлости. Премьер-министр после попойки! Недурно было бы известить полицию. И оппозиция порадовалась бы. Хотя я придумаю что-нибудь получше.

Он торжественно поклонился и приторно-вежливо продолжал:

— Не окажете ли вы мне честь, ваша светлость, посетить мое скромное жилище? Ваша светлость вспоминает меня? Я — ваш верный оклеветанный лакей, Робсон.

Герцог покорно позволил взять себя за руку. — Иди, иди, Гислей, — издевался Робсон, таща его к выходу. Он подозвал кэб, дал адрес кучеру, впихнул герцога внутрь и влез вслед за ним.

Минут двадцать спустя они остановились на углу темной улицы в каком-то отдаленном квартале. Робсон расплатился и повел своего спутника в грязный закоулок, где они остановились перед очень бедным домом. Он открыл дверь, пропустил герцога вперед и захлопнул за собой дверь и зажег свет.

— Добро пожаловать, ваша светлость, в мое убогое жилище, — сказал Робсон, садясь — А теперь не мешает нам с вами свести старые счеты. Вы выставили меня за дверь под тем предлогом, что я напивался и воровал. Первый вопрос мы обойдем молчанием, ибо здесь вам, старому пьянице, и карты в руки. Но утверждать, что я не имел права на ваши обноски, которые мне как раз впору, это уже слишком! Вот, кстати, как раз подходящий для меня костюм. В настоящий момент мне приходится довольно туго. Не дальше как вчера я должен был отклонить приглашение в один великосветский дом за неимением костюма. Вы очень любезны, предлагая мне свой.

Он исчез, и вскоре вернулся с грубым костюмом, в который он помог герцогу переодеться.

— Это мне напоминает доброе старое время, Гислей, — заметил Робсон:

— Мы так же одевались, отправляясь на обед к королю. А теперь вам не мешает обратиться к парикмахеру, не правда ли? Борода вас уродует.

Он схватил ножницы и отхватил бороду премьер-министра до самого подбородка.

— И волосы у вас слишком длинные, Гислей. И он остриг ему волосы на голове. Даже секретари премьер-министра, без сомнения не узнали бы его светлости в этом седом старике, закутанном в старую куртку и подмигивающем с самым довольным видом своему бывшему лакею.

— А теперь, Гислей, — сказал Робсон: — если мой разговор вам не нравится, то ваш меня отнюдь не развлекает. А потому я думаю вас отправить, — даже без вашего позволения, — в приют Армии Спасения…

Внезапно его взгляд упал на визитную карточку, всунутую в раму каминного зеркала. Он ударил себя по лбу. — Вот это дело! Это великолепно! Я вас отправлю не в Армию спасения, а к этому доброму священнику, карточка которого Бог знает каким образом ко мне попала.

Он бросил взгляд на визитную карточку и прочел ее вслух:

Преп. Элиа Тимминс.

61, Ребекка-стрит.

— Он, небось, вам порадуется. Ну, поднимайтесь, довольно спать.

Ему пришлось потратить, немало сия, прежде чем удалось заставить премьер-министра выйти на улицу. Позвав извозчика, он приказал:

— Кучер, вы отвезете моего друга вот по этому адресу, — и он протянул ему визитную карточку: Вы скажите священнику, что привезли ему племянника с Майорки.

— Откуда? — заворчал извощик.

— С Майорки, не забудьте, пожалуйста. Их там четыре: Майорка, Минорка, и еще какие-то, — объяснил Робсон, стараясь припомнить свои старые разговоры с премьер-министром.

— Ладно, — сказал кучер.

— Всего лучшего, старина! — крикнул Робсон, впихнув герцога в карету и захлопнув дверцу: Кланяйтесь Элиа.

Было уже около часу ночи, когда экипаж подъехал к дому номер 61 на Ребекка-стрит. Кучер слез с козел и позвонил. Через несколько минут открылось окно, и из него высунулась голова мужчины.

— Кто там?

— Ваш племянник с Минорки.

— Кто такой?…

— Ваш племянник с Минорки. Это какой-то остров… Там четыре острова.

— У меня нет никакого племянника в Минорке, — запротестовал испуганный священник.

— Ну, конечно, сейчас он не в Минорке, а в моей карете, — заявил извозчик.

— Я его не знаю, тут произошла какая-то ошибка, — уверял священник.

— Какая там ошибка, — закричал кучер, — у нас есть ваша визитная карточка. Спускайтесь скорей и посмотрите сами.

В этот момент в противоположном доме открылось окно и показалась чья-то голова.

— Что тут за шум? — спросил потревоженный жилец.

— Я привез блудного сына в родное гнездо, а его дядя не желает принять его, — орал раздраженный извозчик.

— Какой позор? — заметил тот же голос.

— Не стоять же мне тут всю ночь? — продолжал кучер, поворачиваясь к своему пассажиру: Эй вы, вылезайте живее да поговорите с вашим дорогим дядей.

Громко ругаясь, он полез в карету и вытащил оттуда своего седока. В соседних домах начали открываться окна, из них свешивались любопытные, которым священник пытался объяснить причину суматохи.

Ваш племянник потерял сознание, — кричал извозчик, положив герцога у порога двери: если вы оставите его под открытым небом, то можете смело сказать, что убили его своей неосторожностью. Сойдете вы вниз или нет?

II.

Мистер Тимминс не колебался более. Он был глубоко убежден, что произошло печальное недоразумение, которое ему удастся выяснить не позже чем на следующее утро. Минуту спустя он открыл входную дверь.

— Десять шиллингов, это моя последняя цена, — кричал кучер, не так уж дорого за то, чтобы привезти вашего драгоценного племянника с Минорки. А если заставите меня ждать еще дольше, то извольте заплатить пятнадцать.

— Мери, мой кошелек, крикнул несчастный, и, пока его жена бегала за деньгами, он попросил извозчика помочь ему перенести герцога в гостиную на диван, где тот снова погрузился в глубокий сон.

Карета уехала, окна соседних домов закрылись, и мистер Тимминс с женой вернулся к своему новому гостю.

Никогда в жизни я его не видел, — сказал священник, это какая-то ужасная ошибка.

— У него тонкие черты лица, — заметила его жена.

— Ну, а по моему у него такой вид, как-будто бы он только что вышел из тюрьмы, возразил муж. — Подождем до завтра.

В эту ночь мистер Тимминс спал плохо, а жена его и совсем не сомкнула глаз: она начинала догадываться, в чем дело. В пять часов утра она не выдержала и разбудила мужа, чтобы поделиться с ним своими соображениями.

— Элиа, — сказала она, — это дядя Сам.

— Кто, — проворчал муж.

— Дядя Сам. Он уехал в девственные леса Австралии, когда я была совсем маленькой, и говорил, что когда-нибудь вернется. Он очень богат.

— Это было бы недурно, — заявил мистер Тимминс, жалевший о своих десяти шиллингах.

Часов в семь утра миссис Тиммикс, услышав шум в гостиной, оделась и сошла вниз поздороваться с гостем. Он стоял у окна.

— Здравствуйте, дядя Сам, очень рада вас видеть, — сказала она, направляюсь к нему.

Герцог обернулся. Увидя улыбающее лицо и протянутые к нему руки, он улыбнулся в ответ, и они дружески поздоровались.

— Надеюсь сегодня вы чувствуете себя лучше, — продолжала она.

Гость пробормотал какие то нечленораздельные слова. Она повторила вопрос и в ответ услышала те же странные звуки. Вне себя от изумления она побежала к мужу.

— Это действительно дядя Сам, — объявила она, — но он забыл свой родной язык и умеет говорить только по-австралийски.

— Что за чепуха!..

— Идите вниз и посмотрите сами.

Мистер Тимминс спустился в гостиную, и жена представила их друг другу. Дядя Сагл улыбнулся, горячо пожав ему руку, но не мог произнести ни одного понятного слова.

— Какой ужас, — простонал бедный священник, — что же мы будем теперь с ним делать?

— Прежде всего надо учить его английскому языку. — решила жена, — дядя Сам… Элиа… Мери… начала она указывая герцогу пальцем по очереди каждого.

III.

Герцог повторял слова и быстро запоминал их. Обучение

продолжалось и за завтраком, к концу которого гость твердо запоминал слова мармелад и масло, растапливая мало-по-малу ледяной скептицизм священника.

Слух о прибытии не то племянника, не то дяди или дедушки мистера Тимминса распространился с необычайной быстротой и взбудоражил весь квартал. Но к концу дня это событие отошло на задний план пред потрясающей новостью об исчезновении премьер министра. Это исчезновение совпало с серьезными осложнениями в области внешней политики и вызвало настоящую панику; рента упала до 83. Была назначена награда в десять тысяч фунтов тому, кто найдет герцога, но все оказалось напрасно. Несколько дней спустя пост премьер министра был занят другим государственным мужем.

Тем временем герцог Гислей, ставший Самуэлем Белей, делал быстрые успехи в начальных науках. Через месяц он мог свободно излагать свои мысли. К концу года он бегло читал и писал. Ему нашли место счетовода в конторе Хиченса.

Так прошли три года и два месяца. Однажды вечером счетовод Хиченсов, комиссионеров по продаже индиго, лег спать в состоянии странного возбуждения. Во сне индиго странным образом смешивалось с индийской рупией, племянник Элиа с посланником Франции, а Мери с ее величеством королевой. К утру мысли его стали яснее.

— Кабинет собирается в полдень, — думал он — в одиннадцать часов я получу шифрованные телеграммы из Парижа и Каира, а посланник явится не раньше четырех. К этому времени наше положение определится.

В эту минуту кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул он.

— Вы опоздали, дядя Сам, — ответил чей-то голос — завтрак уже давно готов.

Он спрыгнул с постели и поднял шторы.

— Где же это я, — подумал он. Он увидел себя в зеркале и не узнал. Посмотрел на часы: у него были золотые часы, а эта серебряная луковка, очевидно, не его, хотя и кажется ему странным образом знакомой… Что это все означает?.. И почему лакей не приходит одевать его?.. Тут какая-то тайна… Он нерешительно спустился вниз. В маленькой столовой он увидел Мери и Элиа. Почему они называют его дядей Самом?

— Я боюсь, как бы не опоздали в контору, дядя, — сказала Мери. И герцог поймал себя на том, что он испуганно посмотрел на часы. Перед его глазами промелькнул магазин Хиченса. В девять часов он должен быть за своей конторкой, нужно просмотреть счета на индиго. Но как же быть тогда

с заседанием кабинета министров, назначенным на двенадцать часов?

— Вы плохо выглядите сегодня, дядя Сам, — сказала миссис Тимминс: — вам нужно денек отдохнуть. Я уверена, что мистер Хиченс согласится на это. Элиа зайдет в контору предупредить его.

Благодарю вас, Мери, — ответил герцог: — действительно, я чувствую себя неважно.

Мистер Тимминс собирался уходить, когда герцог бросил ему коротко — Останьтесь, — и предложил сесть, повелительно указывая на стул жестом совершенно несвойственным дяде Саму.

— Элиа и Мери, сказал он — не будете ли вы так добры объяснить мне кто я такой?

Мистер и мистрис Тимминс с грустью посмотрели друг на друга. Неужели с ним начинается новый припадок?

— Но вы — дядя Сам, — ответила спустя минуту Мери.

— Конечно, конечно… а однако я прекрасно знаю, что я не дядя Сам, — объявил герцог.

— А кто же вы, — спросил мистер Тимминс.

— Я — герцог Гислей.

Мистер и мистрисс Тимминс обменялись скорбным взглядом.

— Ну, конечно, вы — герцог Гислей, — подтвердил Элиа — мы всегда это знали.

— Но почему же вы называете меня дядей Самом?

— О, это просто ласкательное имя.

— Но, сударыня, — возразил герцог — на каком собственно основании вы называете меня ласкательным именем?

— Вы совершенно правы, — кротко ответил мистер Тимминс — на каком основании? Нет никакого основания.

— Не будете ли вы так добры, — продолжал герцог: — сказать мне, сколько времени я живу с вами?

— Уже года три, — сообщил мистер Тимминс.

— Три года! — воскликнул герцог — Вы в этом совершенно уверены?

— О да, вполне уверен.

— Как я попал сюда?

— Вы приехали с Минорки на извозчике.

— С Минорки, на извозчике? — Если я еще не сошел с ума, то это не замедлит случиться.

— Нет, нет, дорогой дядя! Вы просто немного переутомились. Вам нужен отдых, покой. Я принесу вам сейчас капель…

— Довольно. — сказал герцог — меня ждут срочные депеши в

министерстве иностранных дел.

С этими словами он направился к двери, но мистер Тимминс преградил ему дорогу, в то время как миссис Тимминс обхватила его обеими руками.

— Дядя, сядьте, — умоляла она — прошу вас, успокойтесь.

— Сударыня, — закричал взбешенный герцог: — я прошу вас пустить меня.

— Я вас отсюда не выпущу, — заявил мистер Тимминс решительным тоном.

Герцог Гислей, будучи дипломатом по профессии, сел на диван и вступил в переговоры.

— Выслушайте меня, — начал он — я не сумасшедший, как вы думаете, и совсем не ваш дядя. Я — герцог Гислей; каким образом я попал сюда, я объяснить не могу, и в настоящий момент эго не имеет большого значения. Крайне важные депеши ожидают меня в министерстве иностранных дел, и я должен отправиться туда немедленно. Вы пойдете со мной, Элиа, и, если там откажутся меня признать, я обещаю вам сейчас же вернуться домой.

Герцог говорил совершенно спокойно, и его слова произвели некоторое впечатление на слушателей.

— Как вам угодно, дядя, — согласился Элиа — идемте хоть сейчас.

В конце улицы герцог нанял кеб. Они подъехали к министерству иностранных дел. Герцог через две ступеньки взбежал на лестницу, и направился к швейцару.

— Сер Руперт здесь? — спросил он.

— Вам было назначено притти, сударь? — осведомился тот.

— Нет, я — герцог Гислей.

Почтительное выражение лица швейцара моментально изменилось.

— Теперь это уже не производит впечатления, — сказал он: — за те три года, что я здесь служу, к нам каждую неделю приходят по два, по три.

— Видите, дядя Сам, — сказал мистер Тимминс, дергая герцога за рукав — пойдемте лучше домой.

— Замолчите, Элиа, — возразил его светлость; повернувшись снова к швейцару, он сказал — Я попрошу вас дать мне лист бумаги и конверт.

Его повелительный вид, которым он так хорошо умел пользоваться, когда его принуждали к тому обстоятельства, произвел впечатление на швейцара. Тот с поклоном повиновался. Герцог поспешно нацарапал несколько строк и запечатал конверт.

— Немедленно отнесите это серу Руперту, — приказал он. Сер Руперт

был товарищем министра.

Через несколько минут какой-то сановник поспешно сбежал с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки, и, поколебавшись одно мгновение, бросился к герцогу и схватил его за руки:

— Ваша светлость, ваша светлость, — лепетал он с полными слез глазами.

— Ну, Элиа, верите вы мне теперь? — спросил герцог.

Мистер Тимминс попытался что-то проговорить, но слова застряли у него в горле.

— Идем наверх, — сказал герцог, дружески хлопнув его по плечу — сер Руперт Объяснит нам все.

Но сер Руперт оказался не в состоянии что либо объяснить.

IV.

Возвращение герцога Гислея, окутанное дымкой таинственности, произвело необычайную сенсацию во всей стране. Жители Ребекка-стрит с удивлением и восторгом узнали, что среди них в течение трех лет жил исчезнувший премьер министр. Вся улица была охвачена волнением, когда наследующий день герцог Гислей в последний раз явился к Мери и Элиа на торжественный чай. Тротуары были заполнены любопытными, и священник боялся высунуть, нос на улицу. Кричали «ура» в честь его светлости и немало восторженных восклицаний досталось по адресу «старого Сама Белея», а когда на пороге появилась Мери, и герцог по старой памяти поцеловал ее, восторг толпы дошел до неистовства.

На следующей недели мистер и мистрис Тимминс уехали с Ребекка-стрит наставлять на путь истиной депеши давным давно составлены его заместителем, и все время, свободное от выполнения необходимых формальностей, связанных с его возвращением, посвятил разъяснению вопроса о своем загадочном исчезновении и необъяснимой метаморфозе. Но все попытки оказались тщетными. Он мог только вспомнить, как в один прекрасный вечер вышел прогуляться, далее в его памяти образовался полный пробел.

Два человека могли бы пролить свет на это дело. Один из них — аптекарский ученик. Другой — человек с рыжими усами, который содержит дрянной трактирчик в грязном переулке отдаленного квартала. Но по некоторым соображениям оба предпочитают хранить молчание.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СО СТЕКЛЯННЫМ ШАРОМ

Рассказ Ф. Анстей.
С английского.

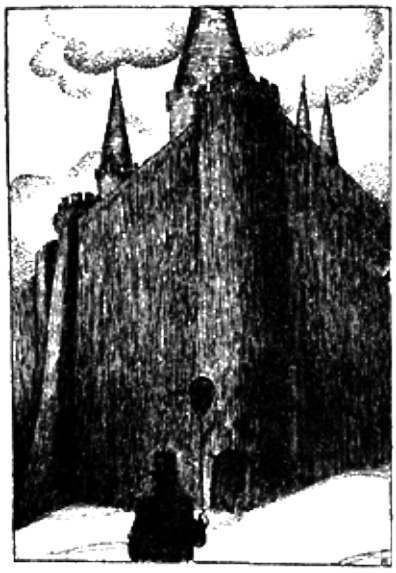
РАНЬШЕ, чем начать рассказывать о событии, которое многим покажется настолько странным, что они сочтут его почти, если не совсем, невероятным, будет не лишним указать, что я адвокат, практикующий уже несколько лет, и что я не считаю себя и, насколько мне известно, никто никогда не считал меня, — лицом с чрезмерно развитой фантазией.

Это было на святках, в прошлом году. Я шел домой из своей конторы в Новом Сквере, в Линкольн-Инне, и по дороге зашел в магазин игрушек, намереваясь купить подходящий святочный подарок одному своему маленькому крестнику.

Как это бывает только в это время года, лавка была полна покупателей, и мне пришлось ждать, пока освободится кто-либо из приказчиков. Пока я ждал, мое внимание привлекла одна игрушка, на прилавке передо мной.

Это был стеклянный шар, величиной с обыкновенный апельсин. Внутри шара было изображение чего-то похожего на фасад замка; перед ним стояла фигура, державшая за ниточку маленький грушевидный воздушный шарик, выкрашенный полосами в красное и синее. Шар был наполнен водой, содержавшей белый порошок, который, когда воду приводили в движение, создавал впечатление мятели в миниатюре.

Не могу объяснить своего поведения, свойственного разве только ребенку, иначе как тем, что мне нечего было делать в это время, и я занялся встряхиванием шара и созерцанием крохотных снежинок, плававших в жидкости. Я настолько увлекся, что совершенно забыл окружающее. Поэтому я не очень удивился, когда вскоре заметил, что хлопья снега падают на меня и тают на рукаве моего пальто. Передо мною были тяжелые ворота мрачного укрепленного здания, которое я сначала принял за Голловейскую тюрьму, хотя, как я мог так далеко забрести, было выше моего понимания.

Передо мной были ворота мрачного укрепленного здания.

По осмотревшись, я не увидел никаких признаков пригородных построек и убедился, что я как-то попал в местность, с которой я совершенно незнаком, очевидно расположенную далеко за пределами метрополитена. Я решил, что самое лучшее будет постучать в ворота и спросить у привратника, где я, и как пройти к ближайшей железнодорожной станции; но прежде, чем я мог выполнить свое намерение, в одной из створок ворот отворилась калитка, и показался старик почтенной наружности. Он был похож на обыкновенного привратника, ко был в особенной ливрее, которую я счел ливреей сенешаля, хотя я никогда не видал сенешаля; но таково было мое впечатление. Кто бы он ни был, он, казалось, несомненно, рад был видеть меня.

— Добро пожаловать, прекрасный сэр, — сказал он высоким надтреснутым голосом — истинно знал я, что моя несчастная госпожа не будет лишена защитника в своей тяжелой доле, хотя она почти оставила всякую надежду на ваш приход!

Я объяснил, что явился не по приглашению, но просто прохожий, который оказался в этих краях совершенно случайно.

— Это не важно, — ответил он, произнося слова на старинный лад, —

раз вы все же пришли; ибо воистину, сэр, она тяжко нуждается в ком-либо, кто готов посвятить себя ее делу.

Я сказал, что я, как раз, по профессии юрист и что если, как я понял, его госпожа в каком-либо затруднении и желает моей помощи, то я вполне готов дать ей совет, какой только смогу, и выступить от нее, если ее дело таково, что это, по моему мнению, понадобится.

— Да, оно таково, — сказал он, — но прошу вас, не стойте долее, ведя переговоры, ибо сие, так как я вижу, что вы сейчас плохо защищены, — добавил он торопливо, — может быть сопряжено с ненужной опасностью. Войдите, не медля долее!

Я не думал, что рискую серьезно простудиться, но удивился, почему мне не пришло *в* голову раскрыть зонтик, пока не обнаружил, что моя правая рука уже занята тем, что держит веревочку, к которой привязан пестро раскрашенный воздушный шар, колебавшийся над моей головой.

Это была такая неподходящая вещь для адвоката, особенно для готовящегося предложить свои услуги в деле, повидимому, серьезном, что я на мгновение смутился. Но я скоро вспомнил, что не так давно заходил в игрушечную лавку, и заключил, что купил, должно быть, этот шар в подарок своему крестнику.

Я хотел объяснить это старику, но он внезапно втащил меня через калитку, захлопнув дверь так резко, что перебил ею веревочку от воздушного шара. Я видел, как он взмыл вверх по другую сторону стены, пока снежный вихрь не скрыл его от моего взора.

— Не жалейте о потере его, — сказал сенешаль, — он исполнил свое назначение, доставив вас к сим воротам.

Если он полагал, что кто-нибудь действительно мог бы воспользоваться таким странным способом передвижения, то он, подумал я, должно быть выжил из ума; я начал опасаться, что, приняв его приглашение войти, я, может быть, поставил себя в неловкое положение.

Однако, я зашел слишком далеко, чтобы возвращаться, поэтому я позволил проводить себя к его госпожа. Он провел меня через обширный двор к боковому входу, а затем вверх по витой лестнице, по пустынным коридорам и через пустые прихожия, пока мы не пришли в большой зал, плохо освещенный сверху и увешанный тусклыми коврами. Здесь он оставил меня, сказав, что сообщит хозяйке о моем приходе.

Мне пришлось ждать недолго, пока она вошла через дверь под аркой напротив.

Я сожалею, что не могу, отчасти потому, что помещение было недостаточно освещено, описать ее хотя бы с приблизительной точностью.

Она была совсем молода, немного старше 18 лет, как я склонен думать; она была одета роскошно, но необычайно в какое-то блестящее платье, и ее длинные волосы были распущены и рассыпаны по плечам; это (хотя я обязан признать, что впечатление в данном случае не было неприятным) всегда, по крайней мере для меня, кажется во взрослой женщине неопрятным и заставило меня на мгновение усомниться, вполне ли она нормальна.

Но, хотя она очевидно была сильно взволнована, я не мог обнаружить ничего в ее поведении или словах, что бы указывало на настоящее умственное расстройство. Ее внешний вид, вдобавок, был несомненно привлекателен, и я в общем не помню, чтобы я когда-либо раньше чувствовал себя так заинтересованным с первого взгляда каким-либо клиентом женского пола.

— Скажите, — воскликнула она, — правда ли это? Ужели вы в самом деле пришли освободить меня?

— Дорогая леди, — сказал я, заметив, что всякое извинение за то, что, как я опасался, могло бы показаться весьма необычным вторжением, является излишним, — мне дали понять, что вы нуждаетесь в моих услугах, и если это правильно, то я могу только сказать, что я всецело в вашем распоряжении. Только постарайтесь успокоиться и расскажите мне так ясно и кратко, как только вы можете, существеннейшие факты вашего дела.

— Увы, сэр, — сказала она, ломая руки, которые были замечательно красивы, — я самая несчастная принцесса во всем свете!

Я полагаю, что я так же свободен от снобизма, как и большинство людей, но сознаюсь, что почувствовал некоторое удовлетворение от того, что был почтен доверием леди такого знатного происхождения.

— Я весьма огорчен тем, что слышу, ваше высочество, — сказал я, вспоминая, что именно так следует обращаться к принцессе, — но я боюсь, — добавил я, приготовляясь выслушать ее указания, — что я не смогу быть вам полезным, пока вы не заставите себя сообщить мне подробнее обстоятельства дела.

— Ужели, — сказала она, — вы не знаете, что я во власти злого дяди-тирана?

Я мог бы объяснить, что я слишком занятой человек, чтобы иметь время следить за очередными придворными скандалами, но воздержался.

— Я могу считать, следовательно, — сказал я, — что вы сирота и что родственник, о котором вы упомянули, ваш опекун?

Она дала понять жестом, что оба эти заключения правильны.

— Он запер меня пленницей в этом мрачном месте, — заявила она, — и лишил меня всех моих приближенных одного за другим, кроме престарелого, но верного слуги, которого вы видели.

Я, конечно, ответил, что это несомненное злоупотребление властью, и спросил, не может ли она указать причины такого поступка с его стороны.

— Он решил, что я должна выйти замуж за его сына, — объяснила она, — которого я ненавижу, чувствуя к нему невыразимое отвращение.

— Может быть, — осмелился я намекнуть, — есть кто-нибудь другой, кто…

— Нет никого, сказала она, — ибо мне ни разу не было дозволено взглянуть на какого-либо другого жениха; и вот я здесь в заключении, доколе не соглашусь на сей ненавистный союз, но я скорее умру! Но вы спасете меня от столь ужасной участи! Ибо для чего иного вы здесь?

— Я выказал бы полное неумение, ваше высочество, — уверил я ее, — если бы не нашел выхода из такого обычного затруднения. Пытаясь принудить вас к браку против вашей воли, ваш опекун, очевидно, доказал свою полную непригодность к исполнению своих обязанностей. Закон целиком на вашей стороне.

— Истинно, он непригоден, — согласилась она, — но что мне до того, кто еще на моей стороне, доколе вы остаетесь моим рыцарем. Только как вы думаете совершить мое спасение?

Принимая во внимание все обстоятельства, — сказал я ей, — я считаю, что самое лучшее для нас подать жалобу о незаконном лишении свободы. Вас тогда вызовут в суд, и судья может дать распоряжение, какое сочтет нужным. По всей вероятности, он лишит вашего дядю занимаемого им положения и передаст вас в ведение опекунского совета.

Всегда очень трудно заставить дам понять даже самые простые подробности судебной процедуры, и моя принцесса не была исключением из этого правила. Она, казалось, совершенно не сознавала власти, которой обладает всякий суд для проведения своих постановлений.

— Вы забываете, сэр, — сказала она, — что мой дядя, который славится в этих местах как волшебник и маг, наверное с насмешкой презрит подобный приказ.

— В таком случае, ваше высочество, — сказал я, — он будет подлежать суду. Кроме того, если его репутация в этих местах соответствует вашему описанию, у нас есть другой способ воздействия на него. Если мы только сможем доказать, что он пользовался каким-либо тайным средством, способом или хитростью, с целью обмануть кого-либо из подданных его величества, то против него можно возбудить

преследование на основании акта о бродягах 1824 года, как мошенника и лица без определенных занятий. Он может получить за это даже шесть месяцев!

— Ах, сэр, — воскликнула она, как мне показалось, нетерпеливо, — мы лишь тратим драгоценное время на праздные разговоры., подобные этим, из коих я едва понимаю несколько слов! А между тем близок час, когда я должна буду встретиться лицом к лицу с моим дядей, и ежели я откажусь повиноваться его воле, гнев его будет воистину жесток!

— Все, что вам нужно сделать, это направить его ко мне, — сказал я, — я думаю, что сумею при личном свидании убедить его принять более разумную точку зрения. Если вы ждете его скоро, то мне может быть лучше остаться до его прихода?

— К счастью для нас обоих, — возразила она, — он еще за много миль отсюда! Ужели вы не видите, что ежели моему спасению суждено свершиться, то должно сделать это до его возвращения, иначе я погибла? Возможно ли, что прибыв издалека, вы можете проводить так время, не делая ничего?

Я подумал некоторое время раньше, чем ответить. — После тщательных размышлений, сказал я наконец, — я пришел к заключению, что, так как вы очевидно серьезно опасаетесь личного насилия со стороны вашего дяди, если он вас застанет здесь, я вполне в праве пренебречь обычными формальностями и удалить вас из-под его опеки немедленно. Во всяком случае, я возьму на себя такую ответственность, с каким бы риском это ни было сопряжено.

— Я прошу прощения за свою кажущуюся нетерпеливость, — сказала она с прелестным смирением. — Я должна была бы знать, что могу уверенно положиться на защиту столь храброго и бесстрашного рыцаря!

— Вы поймете, я уверен, ваше высочество, — сказал я, — что я не могу, как холостяк, предложить вам убежище под моим кровом. Я предполагаю (если вы, конечно, это одобрите) поручить вас заботам моей старой тетки в Кройдоне, пока не будет возможно устроить вас иначе. Я полагаю, вам не понадобится много времени на сборы для этого путешествия?

— К чему сборы? — воскликнула она. — Не будем более медлить, но бежим сейчас!

— Я рекомендовал бы вам взять, по крайней мере саквояж, — сказал я. — вы успеете упаковать все, что вам нужно, пока ваш слуга приведет нам извозчика. Я не знаю ничего, что мешало бы нам затем отправиться немедленно.

— Ничего? — воскликнула она, — ужели вы столь мало страшитесь дракона, что можете говорить так легко об этом?

Я не мог удержаться от улыбки; было так странно видеть, что принцесса в таком возрасте еще сохранила веру в сказки.

— Я думаю, ваше высочество, — сказал я, — что в настоящее время дракон не является препятствием, которое мы должны серьезно принимать во внимание. Вам очевидно не сообщили, что это чудовище давно перестало существовать.

— И вы убили его! — воскликнула она, и глаза ее вспыхнули восхищением. — Я могла бы догадаться об этом. Он убит — и ныне даже дядя мой не властен более удерживать меня здесь! Много долгих месяцев я не смела выглянуть в окно, но теперь я могу снова созерцать дневной свет без страха! — Она отдернула при этих словах занавеси, обнаружив большое окно; в следующее мгновение она отпрянула с подавленным криком ужаса.

— Зачем вы обманули меня? — спросила она негодующе, тоном упрека. — Ведь он существует. Он еще там. Смотрите сами.

Я взглянул. Окно выходило во двор позади замка, где я еще не был, и теперь я увидел нечто до такой степени неожиданное, что едва мог поверить собственным глазам.

Над зубчатой наружной стеной я увидел возвышающуюся огромную бугристую голову, покачивающуюся на длинной гибкой шее из стороны в сторону с зловещей бдительностью. Хотя остальное тело зверя было скрыто стеной, я видел вполне достаточно, чтобы убедиться, что это не может быть нечто иное, как дракон, и притом весьма внушительный. Мне казалось, я понял, почему слуга так торопился ввести меня внутрь замка, хотя и пожелал, чтобы он объяснил мне тогда все несколько подробнее.

Я стоял, глядя на дракона, но не сделал никакого замечания.

Сказать по правде, я в этот момент не чувствовал себя в состоянии сделать какое-либо замечание.

Принцесса заговорила первая. — Вы, кажется, изумлены, сэр, — сказала она, — но вряд ли вы не ведали, что дядя мой поставил это свирепое чудовище сторожить сии стены, чтобы удержать меня, если бы я попыталась бежать отсюда.

— Я могу только сказать, ваше высочество, — ответил я, — что это первое упоминание об этом обстоятельстве, которое я слышу.

— Все же вы мудры и сильны, — сказала она, — вы наверное придумаете способ, которым избавите меня от этой гнусной твари.

— Если вы разрешите мне задернуть занавеску, — сказал я, — то я

попытаюсь придумать что-нибудь… Прав ли я, полагая, что это животное — собственность вашего дядюшки…

Она ответила, что это так.

— Тогда, мне кажется, я вижу выход, — сказал я, — вашего дядю можно вызвать в суд по обвинению в том, что он позволяет гулять на свободе такому опасному животному, так как оно очевидно не находится под достаточным надзором. И если обратиться к магистрату, ссылаясь на закон 1871 года, ему может быть приказано уничтожить это животное немедленно.

— Вы мало знаете моего дядю, — сказала она с оттенком презрения, — ежели думаете, что он согласиться уничтожить единственного оставшегося у него дракона, по приказу кого бы то ни было.

— Он будет подвергнут штрафу в 20 шиллингов в день, пока не исполнит этого, — ответил я, — во всяком случае, я могу обещать вам, что если только мне удастся выбраться отсюда, то вам не придется подвергаться этим неприятностям очень долго.

— Ужели? — воскликнула она. — Уверены ли вы вполне в успехе?

— Собственно говоря, да, — сказал я, — я обращусь, конечно, если я смогу безопасно попасть домой, завтра утром первым делом в суд; если мне только удастся убедить суд, что смысл закона достаточно широк, чтобы охватить не только собак, но и других опасных четвероногих, то дело будет уже почти сделано.

— Завтра, завтра! — повторила она нетерпеливо. — Ужели я должна еще раз повторять вам, что сейчас не время медлить? Истинно, сэр, ежели мне вообще быть спасенной, то только ваша рука может освободить меня от этого отвратительного червя!

Сознаюсь, что я подумал, что она обладает совершенно необычной точкой зрения на взаимоотношения адвоката и клиента.

— Если бы, — сказал я, — его можно было бы, хотя бы с приблизительной точностью, назвать червем, я не испытывал бы ни малейшего колебания перед нападением на него.

— Итак, вы сделаете это? — сказала ока, не поняв меня, как обычно. — Скажите, что вы сделаете это, ради меня!

Она была так привлекательна, когда обращалась ко мне с этим призывом, что у меня решительно не хватило духу огорчить ее прямым отказом.

— Нет ничего, — сказал я, — т.-е. ничего разумного, чего бы я не сделал с радостью ради вас. Но если вы только подумаете, то сейчас же увидите, что в цилиндре и пальто, и совершенно без всякого оружия, кроме

зонтика, у меня нет л тени шанса на победу над драконом. Перевес был бы безнадежно на его стороне.

— Вы говорите правду, — ответила она к моему удовольствию, — я не могу желать, чтобы рыцарь мой вступил в столь неравный бой. Итак, не имейте сомнений в сем деле.

При этом она хлопнула в ладоши, чтобы вызвать слугу, который появился так быстро, что, мне кажется, он не мог быть очень далеко от замочной скважины. — Этот благородный джентльмен, — объяснила она ему, — желает выйти и сразиться с драконом за нашими стенами, если только он будет достаточно вооружен для сей смертельной битвы.

Я хотел объяснить, что она придала моим замечаниям смысл, которого я не намеревался им сообщать, но старик был так многословен в своих благодарностях и благословениях, что я не мог вставить ни слова.

— Ты поведешь его в оружейную, — продолжала принцесса — и посмотришь, чтобы он был одет в броню, достойную столь рыцарского поединка. Сэр, — добавила она, обращаясь ко мне — в сей час у меня не хватает слов. Я не умею даже поблагодарить вас так, как хотела бы. Но я знаю, что вы сделаете все, что в ваших силах, ради меня. Если бы вы пали…

Она остановилась, очевидно, не будучи в силах закончить фразу, но это было излишне. Я знал, что случится, если я паду.

— Но вы не падете, — продолжала она, — что-то говорит мне, что вы возвратитесь ко мне победителем; и тогда, тогда, — если бы вы потребовали от меня любой награды, да— (здесь она божественно покраснела) — будь это даже вот эта моя рука, вам не будет отказано в ней.

Никогда за всю свою практику я не был в более затруднительном положении.

Здравый смысл говорил мне, что совершенно недопустимо с ее стороны ожидать таких услуг от лица, которое призвано только подать ей юридический совет. Даже если бы я исполнил это с успехом, — что, чтоб не сказать более, было сомнительно, — моя практика вероятно пострадала бы, если бы мое участие в таком деле стало известно. Что касается специального вознаграждения, которое она так щедро предложила, то об этом, конечно, не могло быть и речи. В моем возрасте женитьба на легкомысленной 18-летней девушке, — вдобавок еще принцессе, — была бы слишком рискованным предприятием.

И все же, потому ли, что я хотя и пожилой холостяк, от природы склонен, не подозревая этого, к романтизму и рыцарству, или по какой-нибудь другой причине, которую я не в состоянии объяснить, но как-то

случилось, что я поцеловал маленькую руку, которую она протянула, мне и вышел не говоря более ни слова, чтобы сразиться, как только сумею лучше, за нее с таким проклятым зверем, как дракон. Не могу сказать, чтобы меня это веселило, но как бы то ни было, я пошел.

Я последовал за слугой, который повел меня вниз, но не по той лестнице, по которой я поднялся сюда, а затем через огромную сводчатую кухню, населенную только черными тараканами, которых было бесчисленное множество. Только чтобы поддержать разговор, я сделал какое-то замечание об их многочисленности и живучести, и спросил, почему, повидимому, не предприняли никаких шагов, чтобы избавиться от такого очевидного неудобства. — Увы, благородный сэр, — ответил он, грустно покачивая своей старой седой головой, — очищать это помещение от сей чумы было обязанностью поваренка, а последний из холопов уже давно исчез из наших покоев!

Я чувствовал желание спросить его, куда они все исчезли, но не спросил. Я подумал, что ответ может оказаться обескураживающим. Даже и без того, я бы дал многое за стакан виски с содой в этот момент, но он не предложил мне этого, а мне не хотелось просить, из опасения быть неправильно понятым. Наконец, мы вошли в оружейную.

Только небольшое число вооружений висело на стенах, и все они были в плачевном состоянии: ржавые и полуразвалившиеся; слуга снял их одно за другим и сделал нескольких неловких попыток затянуть и застегнуть их на мне. К несчастью, ни одно вооружение не подходило для работы, так сказать, ибо я утверждаю, что ни один человек не может сражаться с драконом в вооружении настолько тесном, что в нем даже нельзя двигаться, хотя бы с намеком на удобство.

— Боюсь, что это все ни к чему, — сказал я слуге, неохотно натягивая на себя свое обычное платье, — вы сами видите, что здесь нет ничего, что подходило к моему росту.

— Но вы не можете вступить в бой с драконом в сей вашей одежде, — возразил он: — это было бы чистым безумием!

Я был рад, что старик достаточно умен, чтобы понять это.

— Я вполне согласен с вами, — ответил я, — и верьте мне, мой добрый старый друг, мои мысли далеки от этого. Моя мысль такова, — я не прошу вас подвергать себя ненужному риску, — но если бы вы могли ухитриться отвлечь внимание дракона какой-либо диверсией с одной стороны замка, я мог бы тихонько выскользнуть через какие — нибудь двери с другой стороны.

— Ужели вы лишь жалкий трус, — воскликнул он, — что можете

покинуть столь прекрасную леди на верную гибель?

— Незачем называть меня оскорбительными словами, ответил я, — я не намерен совершенно бросать госпожу. Вы будете добры передать ей, что я обязательно вернусь завтра же с оружием, которое покончит всю эту историю с драконом гораздо основательнее, чем все эти ваши устарелые копья и секиры!

Ибо я уже решил, что это единственный открытый для меня путь.

У меня есть друг, который проводит большую часть года в охоте на крупного зверя. Он, к счастью, случайно, был тогда в городе. Я знал, что он охотно одолжит мне скорострельное ружье и несколько разрывных пуль, и в качестве бывшего волонтера в стрелка, я чувствовал, что шансы тогда будут слегка в мою пользу, даже если я не смогу, как я надеялся, уговорить своего друга присоединиться к этой экспедиции.

Но сенешаль смотрел не так оптимистично на мои предположения.

— Вы забываете, сэр, — заметил он мрачно — что, для того, чтобы возвратиться сюда, вам должно сперва покинуть защиту сих стен, ибо будучи невооружены, вы можете тотчас умереть.

— Для меня это не очевидно, — возразил я, — в конце-концов так как дракон не пытался помешать мне войти, по крайней мере возможно, что он ничего не будет иметь против моего ухода.

— Насколько я знаю, — ответил он — он, быть может, не имеет приказа препятствовать кому-либо входить. О сем мне ничего не ведомо. Но вот что я знаю верно, — он не допускает никого уйти, не пожрав его.

— Но не могу ли я попробовать уйти от него, раньше даже чем он узнает, что я вышел? — попробовал я сказать.

— Боюсь, сэр, — сказал он уныло, — что тварь сия не преминет последовать по следам вашим ранее, нежели снег успеет замести их.

— Об этом я не подумал, — сказал я, — теперь, когда вы упомянули об этом, это не кажется мне совсем невероятным. По вашему мнению, значит, мне лучше оставаться, где я нахожусь?

— Только доколе не возвратится волшебник, — был его ответ, — как он может, ежели я не ошибаюсь, сделать в любое мгновение, после чего пребывание ваше здесь будет поистине кратковременным.

— Неужели вы хотите сказать, — спросил, я — что он будет настолько бесчеловечен, что выгонит меня на съедение к этому поганому- дракону? Ибо к этому в сущности все это сведется.

— Разве только силой или хитростью вы победите сие чудовище— сказал он, — и мне кажется, вы пришли сюда именно с таким намерением.

— Дорогой мой, — ответил я, — я не имею представления, зачем и как

я сюда попал, но во всяком случае я не хотел и не ожидал встретить дракона. Однако, я начинаю понимать, что если я не найду способа прикончить эту тварь, — и вдобавок поскорее, — то она прикончит меня. Вопрос в том, каким манером приняться за это?

И тут, внезапно, на меня нашло вдохновение. Я вспомнил тараканов и что-то сказанное сенешалем относительно того, что истребление их лежало на обязанности поваренка. Я спросил его, какой способ применялся для этой цели, но так как такие ничтожные подробности были вне его ведения, он не мог ответить мне. Тогда я вернулся в кухню, где начал тщательные поиски, не без надежды на успех.

Некоторое время я искал напрасно, но наконец, когда я уже начал отчаиваться, я нашел на пыльной полке в кладовой то самое, что я искал. Это был глиняный сосуд, содержащий пасту, которую, несмотря на плесень на ее поверхности, я тотчас узнал; это был состав, который с ручательством может быть применен для истребления всякого рода вредных животных.

Я позвал сенешаля и спросил его, не может ли он дать мне булку белого хлеба; он принес мне ее с растерянным видом. Я вырезал ломоть из середины и начал густо намазывать пасту на него, когда он схватил меня за руку.

— Стойте, — воскликнул он, — ужели вы опрометчиво ищете своей смерти, ранее, чем вам суждено.

— Не волнуйтесь, — сказал я ему, — это я не для себя. А теперь не будете ли вы добры показать мне ход на крышу, откуда я мог бы добраться до дракона?

Дрожа с головы до ног, он указал мне лестницу в башне, по которой, однако, не предложил проводить меня; лестница привела меня на нечто казавшееся похожим на бастион. Я осторожно подполз к парапету и заглянул через него; туг в первый раз я целиком увидел зверя, который лежал прямо подо мной. Я знаю, как наиболее правдивые склонны к преувеличению в таких случаях; но даже приняв во внимание свое возбужденное состояние в тот момент, я думаю, что не ошибусь в определении размеров зверя, сказав, что он был немногим меньше, или далее нисколько не меньше, чем «Oiplodocus Carnegii», модель которого находится в Естественно-историческом музее, в то время как вид его был неизмеримо ужаснее.

Я не стыжусь сознаться, что вид его заставил меня настолько потерять самообладание, что на мгновение я испытал почти непреодолимое желание вернуться тем же путем, каким я пришел, раньше чем животное заметит меня. И все же, оно не было лишено своеобразной красоты; я склонен

считать даже, что это был необычно красивый экземпляр этой породы; я был особенно поражен великолепной окраской его чешуи, которая превосходила окраску даже самых крупных пифонов. Однако, для непривычного глаза есть должно быть нечто в драконе, что внушает больше страха, чем восхищения, и я не был в настроении любоваться видом дракона. Он лежал свернувшись, положив голову назад между крыльями, как птица, и, казалось, дремал. Я думаю, что нечаянно дал знать чем-либо о своем присутствии, так как внезапно я увидел, как роговые пленки поднялись, как шторы, на его глазах, лишенных век, и он уставился на меня с холодным любопытством.

Затем он грузно поднялся на ноги и медленно вытянул шею, пока его ужасная голова не поднялась вровень с зубцами бастиона. Нечего говорить, что при этом я быстро ретировался в место, где, я полагал, мне не грозила немедленная опасность. Но у меня было достаточно присутствия духа, чтобы помнить о цели, для которой я был там: укрепив приготовленный ломоть на железном наконечнике зонтика, я протянул его так далеки, как только хватала рука, по направлению к дракону.

Я полагаю, что его давно не кормили. Голова его молниеностно сверкнула над парапетом, жадно щелкнули челюсти, — и в следующий момент и хлеб и зонтик исчезли в его огромной красной пасти.

Жадно щелкнули челюсти и хлеб н зонтик исчезли в его огромной красной пасти.

Затем голова исчезла. Я слышал отвратительный хрустящий звук, как-будто медленно жевали остов зонтика. После этого наступила тишина.

Я снова подполз к парапету и заглянул вниз. Громадное животное облизывало свои покрытые пластинами челюсти, как будто, — что, впрочем, вполне вероятно, — зонтик оказался непривычным лакомством для его пресыщенного вкуса. Оно было теперь занято спокойным перевариванием этой закуски.

Но сердце мое замерло при виде этого. Ибо если зонтик из альпака с ручкой черного дерева мог быть так легко усвоен, то какие могли быть шансы за то, что средство от тараканов произведет какое-нибудь вредное действие? Я был дураком, что возлагал малейшую надежду на такое безнадежное предприятие. Скоро он попросит еще, а v меня не было ничего для него.

Но мало-по-малу, в то время как я с отвращением следил за ним, как зачарованный, мне показалось, что я замечаю легкие признаки беспокойства в поведении гада.

Сначала это было почти ничто; легкое подергивание по временам и моргание, которого раньше я не замечал в его остановившихся глазах, но оно дало мне проблеск надежды.

Затем я увидел, как большой гребень на его хребте медленно подымается. Зубцы, окаймлявшие его челюсти, стали дыбом, и он начал злобно клевать свой растянутый оливково — зеленый зоб, который он, очевидно, считал причиной безпокойства.

Как ни мало я знаю о драконах, но даже ребенок мог бы видеть, что этому не по себе. Только, что причиной этому — зонтик или средство от тараканов? Что касается этого, я мог только гадать, и моя судьба, — и судьба принцессы, — зависела от того, который диагноз правилен!

Однако, я недолго ждал. Внезапно животное издало нечто в роде не то мычания, не то рева-самый потрясающий звук, кажется, который мне когда-либо приходилось слышать; затем я не совсем понял, что произошло.

Кажется, с ним был какой-то припадок. Он извивался и катался по земле, ударяя по воздуху своими огромными кожистыми крыльями сплетаясь в такие узлы, которые я назвал бы невозможными, — если бы не видел их сам, — даже для дракона.

Это продолжалось некоторое время; он развернул свое тело и, казалось, успокоился; как вдруг он выгнулся громадной дугой и совершенно окоченел с распростертыми крыльями почти на полминуты. Потом он внезапно свалился на бок, тяжело дыша, храпя и сотрясаясь, как

какой-то чудовищный автомобиль, после чего он вытянулся во всю свою длину раз или два и затем остался лежать неподвижно. Его роскошные краски постепенно уступили место тусклому свинцово-серому цвету… Все было кончено — средство от тараканов все-таки подействовало.

Я не могу сказать, чтобы я испытывал восторг. Я не уверен даже, что не чувствовал некоторых угрызений совести. Правда, я убил дракона, но способом, который вряд ли показался бы св. Георгию достойным спортсмена, хотя обстоятельства не оставляли мне другого выбора.

Однако, я спас принцессу, что в конце-концов более главное, и ей не было нужды знать ничего, кроме голого факта, что дракон мертв.

Я собирался спуститься и сообщить ей, что она свободна и может покинуть замок, как вдруг я услышал гудение в воздухе; оглянувшись, я увидел, что на меня сквозь падающий снег несется пожилой человек грозного вида, явно в состоянии крайнего раздражения. Это был дядя принцессы.

Я увидел, что на меня сквозь падающий снег несется пожилой человек грозного типа.

Я не знаю, как это случилось, но до этого мгновения я как-то не сознавал, на какие несоответствующие профессиональной этике поступки толкнула меня моя горячность. Но теперь я увидел, хотя и слишком поздно,

что действуя самовольно и дав яд животному, которое, как бы оно ни было свирепо, составляет чужую собственность, я совершил проступок, не достойный уважаемого адвоката. Это был, несомненно, проступок, подлежащий судебному рассмотрению, а дядя принцессы даже мог бы считать это уголовным преступлением.

Итак, когда волшебник с лицом, искаженным от бешенства, спустился на крышу, я почувствовал, что ничто не может спасти положение, кроме полного извинения. Но чувствуя, что лучше будет, если первое замечание будет сделано им, я только приподнял цилиндр и ждал, что он скажет.

— Вам отпускают, сэр? — были слова, которые я услышал, и слова эти, как и тон, были так отличны от того, что я ожидал, что я вздрогнул.

И тогда, к своему изумлению, я заметил, что зубчатые бастионы и волшебник исчезли. Я снова стоял в магазине игрушек, глядя в стеклянный шар, в котором снежинки еще медленно кружились.

— Вам нравятся эти шары в один шиллинг с снежной бурей, сэр? — продолжал приказчик, невидимому обращаясь ко мне. — Они у нас идут сейчас в большом количестве. Очень подходящий подарок для ребенка, сэр, и только по шиллингу штука в этом размере, хотя у нас имеются и более крупные.

Я купил шар, который я держал, — но я не подарил его крестнику. Я предпочел сохранить его для себя.

Конечно, мое приключение может быть только сон на яву.

Один друг, натуралист, которому я рассказал это происшествие, утверждает, что это обыкновенный случай самогипноза, вызванный продолжительным рассматриванием стеклянного шара.

Но я не знаю. Я не могу не думать, что за этим скрывается нечто большее.

Я все еще временами смотрю в шар, когда я бываю один по вечерам. Но хотя я иногда снова оказывался в снежной мятели, мне не удалось пока ни разу попасть в замок.

Быть может, это к лучшему; ибо, хотя я не отказался бы увидеть снова принцессу, но она, по всей вероятности, благодаря мне уже давно покинула это место, — а я не могу сказать, чтобы мне очень хотелось встретиться с волшебником.

……..

КОСА КИТАЙЦА

Рассказ С. Ромера

I

МИНОВАВ доки, я побрел дальше под упорно моросившим дождем; шел я параллельно набережной и направлялся к китайскому кварталу. Было это в двенадцатом часу и в один из тех сентябрьских вечеров, когда в глухих местах столицы какое-то удушье наполняет воздух и становится трудно дышать. Над рекой плыл туман, и трудно было сказать, продолжается ли еще дождь или же это туман оседает на набухшем от сырости платье.

Звуки заглушались, огни горели тускло и доносившийся с реки частый визг сирен усиливал жуткое настроение сцены.

Моя неутолимая жажда наблюдений над характерными типами нередко заставляла меня бродить по этим унылым улицам от полуночи и почти до рассвета; но хотя я хорошо знал и самую местность, и тех странных, а зачастую и опасных людей, которые ютятся здесь в темных норах, однако, на этот раз меня охватывала какая то особая, отчасти физическая, отчасти боязливая дрожь; может показаться странным, но я ускорил шаги, чтобы пораньше притти в подозрительную трущобу, которую я наметил себе, — «Китайский кабачок Чарли» — место, отмеченное красным карандашом на карте преступлений и совершенно неподходящий приют для честного путника. Но холод, которым веяло от реки, и какое-то впечатление полного безлюдия, исходившее от опустевших верфей и ветхих сараев, гнали меня туда, потому что я знал, что там меня,

по крайней мере, ожидает какое ни на есть человеческое общество и стакан хорошего вина из запасов, спрятанных от завистливой таможни.

Я только-что хотел свернуть направо, в узкий безымянный переулок, идущий от Темзы под прямым углом, но вдруг остановился и, сжавши трость, стал прислушиваться.

Откуда-то из темноты доносился смутный и непрерывный шум, как-будто там барахтались сцепившиеся рассвирепевшие собаки: какая-то возня, рычанье, схватка и притом схватка между людьми, хотя и дошедшими до звериного состояния. Первое мгновенье я колебался, но расслышав в шуме борьбы несомненный, хотя и полузадушенный крик о помощи, я бросился вперед и очутился среди дерущихся.

Это происходило у подножья высокой, облупившейся кирпичной стены. Фонарь на железном кронштейне тускло мерцал справа, но самое место драки было залито полнейшим мраком, так что никого нельзя было различить.

— Помогите!.. Душат!..

Стон этот раздался почти у моих ног, но тотчас был заглушен тарабарщиной китайских слов. Однако, узнав теперь местоположение, я разглядел, что борьба шла между плечистым английским матросом и двумя юркими китайцами. Желтолицые, видимо, осилили, и мне выбирать было нечего.

Трость, которую я беру с собою во время подобных экскурсий, обладает двумя достоинствами: набалдашник у нее свинцовый, а наконечник из стали и заострен. Удар по голове китайца, продолжавшего душить свою жертву, повалил его навзничь в грязь. Товарищ его выпустил руку лежавшего и вскочил, словно на пружинах. Другим концом трости я кольнул его, как рапирой. Он испустил пронзительный крик, как взвизгивает подстреленный заяц, и быстро убежал — точно, растаял в тумане.

— Спасибо, друг! — раздался с земли придушенный голос, и спасенный, высвободившись из-под тела оглушенного противника, поднялся на ноги и нетвердой поступью подошел ко мне.

Как я и думал, это был моряк в грубой синей саржевой куртке и в затасканных шароварах, всунутых в голенища тяжелых морских сапогов, из чего заключил, что он лишь недавно вернулся из плаванья. Он нагнулся, чтобы поднять свою шапку. Она была вся в грязи, как и весь его костюм, но он лишь слегка отряхнул ее, словно стряхивая пылинку, и нахлобучил ее себе на голову.

Сжав мою руку железным кольцом, он заглянул мне в лицо. Его

дыхание было красноречивее слов.

— Пропустил, друг, чарку или две, — признался он сиплым голосом, — все вышло из-за тех двух, что я выпил в «Синем Якоре», не будь этих двух последних, я бы обоих китайцев потащил за собой связанными.

— Отлично. На будущее время вам урок: не пейте лишнего, отправляясь в такие места. Посмотрим, что с китайцем, — добавил я, стараясь высвободить свою руку, которую он продолжал сжимать, как в тисках. — Не слишком ли сильно я его ударил?

Но как-будто для успокоения моей встревоженной совести, распростертая фигура вдруг вскочила и безмолвно метнулась в темноту, исчезла, как призрак. Мой новый приятель и не пытался бежать в догонку и лишь промолвил конфиденциально, все еще не выпуская моей руки:

— Да разве мыслимо прикончить проклятого китайца? Что вы! Легче убить кошку. Пойдем вместе, дернем. Расскажу вам кое-что. Кое-что узнаете.

Моряк выпустил мою руку и, проявив неожиданную при такой перегруженности вином способность к равновесию, взял меня под руку и разными, знакомыми мне тесными переулками повел меня в одну из пивных, где собирались обычно его товарищи по профессии. Мой костюм не должен был возбудить ни в ком подозрений, и хотя мне казалось, что мой новый знакомый и без того уже слишком подгулял, однако, я не возражал, — мне хотелось узнать обещанную им историю. Мы уселись в углу пивной, — посетителей почти не было, — перед нами поставили объемистые кружки, и мой новый друг открыл беседу:

— Я только что уволился с «Юпитера», — объяснил он. — Пароходные рейсы Самуильсона. Я по кочегарной части.

— Из Сингапура в Лондон?

— Да. А случилось это в Суэце. Да, в Суэце.

Я не перебивал.

— В Суэце я сошел на берег… Мы все получили отпуск — потому, вышла задержка с Суэцкой кампанией… Из-за денег, понятно. Они заставляют платить вперед — иначе не пропускают. Знаете.

Я кивнул головой.

— Суэц такое место, — продолжал он, — где продают не виски, а настоящий яд. Бывали там?

Опять я кивнул головой, желая избежать всего, что могло дать другое направление мыслям моего друга.

— О, в таком случае вы должны знать греческий трактир Джимми… я

туда хаживал. Так вот, в такое же время ночи, только жара была страшная, выхожу я как-то от Джимми и иду на пароход. Иду я, значит, сам по себе по набережной, — как, к примеру, вы сегодня шли, немного накренившись влево, но в общем ничего, — веселый такой и счастливый, счастливый и свободный… счастливый и свободный… Как нынче с вами, так тогда со мной, — натыкаюсь на китайцев, — сцепились клубком и барахтаются в пыли. Я врезался в самую средину, дал им встряску и раскидал их, как кегли. Показалось мне тогда их человек десять, но, если принять в рассуждение выпивку у Джимми, их, может, было не больше трех. Как бы то ни было, они улепетнули и оставили меня посреди пустой улицы, а в руках у меня оказалась вот эта штука.

Тут он запустил руку в один из глубоких карманов своей куртки и вытащил китайскую косу, ровно отрезанную, повидимому, дюйма на три от затылка. Мой знакомый, от которого не укрылось мое изумление, повертел ею перед моими глазами, наслаждаясь произведенным впечатлением.

— Кому из них она принадлежала, — продолжал он, засовывая косу в другой карман и громко стуча по столу, чтобы подали еще пива, — сказать не могу, не знаю. Но это не все. Да, не все. Я решил сохранить ее на память. Что же вышло? Сейчас расскажу. В числе нашей команды было три китайца. И вот не успели мы уйти из канала, как один из них, по имени Ли-Пинг, предложил мне пять шиллингов за косу, которую он как-то заметил у меня, когда я ее разглядывал. Я дал ему щелчка по носу и он больше не возобновлял разговора; но в ту же ночь (мы стояли в Порт-Саиде) он попробовал стибрить ее у меня! Я чуть не своротил ему шею, и он после того отвязался. Нынче вечером, — и он простер руку наподобие оратора, — у входа в доки меня встретила депутация китайцев; они заявили, что почитают своим долгом откупить у меня эту косу и предложили мне соверен — золотой! Очень надо.

Он презрительно щелкнул пальцами и осушил свою кружку. Я уже начал предчувствовать, что будет дальше. Возможно, что нападение и не было разыграно по уговору, тем более, что такие происшествия часты в этих местах. Но во всяком случае я имел основание допустить, что рассказ о косе не более, как «подход» к моему карману.

— Я посоветовал им убираться в свой Китай, — продолжал предмет моих догадок, ударяя снова по столу. — И вы сами видели, что из этого вышло. Скажу только: если они так уж патриотичны, то я им нисколько не препятствую. Вы мне оказали сегодня услугу. Я вас хочу отблагодарить. Вот рыжая коса, а вот пустая кружка. Прикажите ее наполнить, и коса ваша. Вы всегда ее можете сбыть за соверен.

Мои подозрения исчезли; любопытство разгорелось еще больше. Приказав наполнить кружку моего приятеля, я уговорил его принять от меня соверен и отправился домой, аккуратно уложив косу во внутреннем кармане моего непромокаемого пальто.

II

До следующего вечера я не мог улучить время рассмотреть это странное приобретение; но часов в десять я зажег лампу, уселся за стол и, достав косу из ящика, начал ее с любопытством разглядывать.

Однако, едва я успел приступить к этому занятию, как оно было прервано драматическим эпизодом. Раздался ряд порывистых звонков. Я вскочил, но в это время звонки прекратились и кто то начал стучать в дверь. Потом опять звонки. Я бросился в коридор и был уже у самой двери, когда звонки снова прекратились, и я мог теперь расслышать женский взволнованный голос:

— Откройте дверь! Бога ради, скорее!..

В полном недоумении и тревоге я распахнул дверь, и в квартиру, шатаясь, вошла женщина под густой вуалью, так что лица почти нельзя было разглядеть, но по фигуре она была молода.

Охающая и перепуганная, она сама заперла дверь и прислонилась к ней спиной, глядя на меня сквозь вуаль; ее грудь порывисто поднималась и опускалась.

— Слава Богу, что вы оказались дома: — прошептала она.

Никогда в жизни я не был так изумлен; каждая подробность этого происшествия представляла собой что-то небывалое, из ряда вон выходящее.

— Сударыня, — начал я с некоторым сомнением, — вы чем-то сильно встревожены, и если я могу вам быть полезным…

— Вы спасли мне жизнь! — прошептала она, прижимая руку к груди. — Сейчас я все об’ясню.

— Не хотите ли отдохнуть после только-что пережитого испуга? — предложил я.

Моя странная посетительница кивнула головой, и я провел ее в кабинет и придвинул к столу кресло поудобнее, чтобы мне, сидя против нее, легче было рассмотреть эту женщину, так странно ворвавшуюся ко мне. Я даже незаметно повернул к ней абажур лампы, чтобы лучше осветить ее лицо.

Вероятно, она заметила мою хитрость. Как бы в ответ на этот вызов, она подняла одетые в перчатки руки и откинула тяжелую вуаль, скрывавшую ее черты.

Она откинула тяжелую вуаль, скрывавшую се черты.

Передо мной была пара лучезарных черных глаз с продолговатым, миндалевидным разрезом, присущим восточному типу; передо мной была женщина лет восемнадцати — девятнадцати, повидимому, еврейка, расцветшая уже во всей своей страстной красоте, — новая Саломея, невольно, несмотря на то, что она была одета по последней моде, воскресившая передо мной суетно прекрасный образ дочери Иродиады.

Некоторое время я смотрел на нее безмолвно. Ее полные губы расплылись в ленивую улыбку Востока. Мысли мои приняли другое направление.

Скажите же, что испугало вас, сказал я холодно, но учтиво, — и чем я могу вам помочь.

Моя посетительница, видимо, вспоминала про свой страх или про необходимость продолжать симуляцию. Зрачки ее прекрасных глаз расширились и стали еще темнее; закусив нижнюю губу и облокотившись на стол, она наклонилась ко мне.

— Я в Лондоне в первый раз, начала она, уже не так доверчиво. — Мне надо было найти квартиру м-ра Рафаила Филипса в Фигтри-Корте.

— Это и есть Фигтри — Корт, — сказал я. Но про такого квартиранта я не слышал.

В черных глазах сверкнуло разочарование.

— Но я знаю, что не ошиблась адресом! — возразила моя прекрасная, но незнакомая гостья. И вынула из левой перчатки клочок бумаги. Вот он.

Я взглянул: женской рукой было написано «М-р Рафаил Филипс, Лондон, Фигтри Корт, М 36-б». С недоумением посмотрел я на посетительницу.

Номер моей квартиры 36-б. Но я вовсе не Рафаил Филипс и в первый раз слышу это имя. Меня зовут Бэртон Хэле. Очевидно, тут произошла какая-то ошибка, но… Простите, что напоминаю: вы так и не сказали мне, что именно вас напугало.

— Меня преследовали на дворе и на лестнице.

— Кто?

— Какой-то страшный человек, говоривший на непонятном языке!

Мое удивление с каждой секундой возрастало.

— Что же это был за человек?

— С желтым лицом… Я только успела разглядеть его глаза и оскаленные зубы… На лестнице было темно… Ах, какой ужас!

— Поразительно! сказал я. — Что-то загадочное.

Я погасил свет.

— Надо посмотреть, нет ли кого-нибудь внизу во дворе.

— О, не оставляйте меня! Ради Бога, я не могу оставаться одна.

В темноте она прижалась к моей руке.

— Не бойтесь, я хочу только посмотреть из этого окна.

Но двор был пуст. Ночь стояла очень темная, и было немало черных закоулков, где мог спрятаться человек.

— Никого не вижу, — сказал я, стараясь придать своему тону побольше уверенности и снова зажигая лампу Если я пошлю за кэбом и усажу вас, ваши страхи пройдут?

— Кэб у меня, уже есть и ждет меня на улице, ответила она, опуская вуаль и приготовляясь итти.

— Разрешите же мне проводить вас лично. Мне очень жаль, что с вами случилась такая неприятность, тем более, что вы не достигли цели вашего путешествия.

— Очень вам благодарна за ваше участие. Нет сомнения, мне дали неверный адрес.

На лестнице она все время прижималась ко мне и, пока мы проходили через двор, несколько раз с испугом оглядывалась. Однако, не было видно

ни Души, и я не знал, что подумать об этой истории с желтолицым человеком, — померещилось ли ей или она сочинила нарочно.

Действительно, у ворот дома стоял таксо-кэб; моя гостья, заняв место, протянула мне руку, и даже сквозь густую вуаль сверкнула мне ее улыбка.

— Как я вам благодарна, м-р Хэлс, — сказала она. И пожалуйста извините меня. Я искренно сожалею, что потревожила вас.

Кэб уехал. С минуту я стоял на месте в состоянии какой-то дремотной нерешительности, потом повернулся и поднялся к себе. Войдя в кабинет, я сел за стол и попытался сопоставить все подробности этого поистине загадочного эпизода. Как бы не было незначительно это приключение, но в нем, несомненно, таилось что-то, для меня еще неясное. По своему обыкновению я решил записать это происшествие, пока факты были свежи в моей памяти. Но тут я сделал ошеломляющее открытие.

Отсутствие мое длилось лишь несколько минут и дверь была заперта, а между тем коса исчезла!

Я сидел среди полного безмолвия и прислушивался. Рассказ этой женщины о встречи с желтолицым человеком на лестнице вдруг принял другую, какую-то новую и зловещую окраску. Неужели ключом этой тайны является косичка китайца? Неужели какой-то кровожадный монгол действительно спрятался в одном из закоулков, ожидая удобного случая, и проник ко мне в квартиру во время моего отсутствия? А если так, то ушел ли он?

Я вынул из ящика стола револьвер и, удостоверившись, что он заряжен всеми патронами, осветил всю квартиру и обыскал одну комнату за другой. Но без всякого результата. Не обнаружилось ни малейшего признака, что кто-либо тайком вошел в квартиру или вышел. Вернувшись в кабинет, я сел за стол и уставился на револьвер, лежавший передо мной на бюваре. Быть может, мысль моя работала слишком медленно, но прошло, думаю, не меньше четверти часа, прежде чем меня осенила довольно простая догадка, объяснявшая не только исчезновение косы, но и другие происшествия вечера. Желтый человек— выдумка; моя черноокая гостья искала вовсе не «Рафаила Филипса», а косу, — и нашла!

— Какой же я безнадежный дурак! — воскликнул я, ударяя кулаком по столу. — Не было никакого «желтого человека», а было…

Раздался звонок в прихожей. Я нервно вскочил с места, взглянул на револьвер и сунул его в карман сюртука прежде, чем пошел открыть.

На площадке лестницы стояли констэбль и полицейский агент, одетый в штатское.

— Ваше имя Бэртон Хэле? — спросил констэбль, заглянув в свою

записную книжку.

— Да.

— Вас требуют сейчас в управление, в Боу-Стрит, для опознания женщины, которую нашли убитой в таксо-моторе на Стренде нынче вечером.

Я подавил восклицание ужаса.

— Но какое отношение…

Шоффер показал, что она вышла из вашей квартиры, потому что вы проводили ее на улицу, и ее последние слова были: «прощайте, м-р Хэле, я искренно сожалею, что потревожила вас». Так ли было, сэр?

Констэбль, прочитав официальным тоном по своему блок-ноту, взглянул на меня.

— Так, — ответил я, совершенно оторопев. — Сейчас иду.

Значит, я был несправедлив по отношению к моей несчастной незнакомке: ее рассказ о желтолицем человеке на лестнице оказался не выдумкой, а ужасающей действительностью!

III

Мой тягостный долг был выполнен; в обезображенных останках я опознал ту, которая меньше часа тому назад поразила меня своей красотой. Полиция была явно разочарована скудостью моих сведений об убитой, и даже как-будто недоверчиво отнеслась к моему рассказу. Как журналист, я должен был согласиться с его неправдоподобием, но кроме изложения обстоятельств, сделавших меня обладателем косы, и последующих событий, я не мог ничем помочь в этом деле. Таинственная коса не была найдена ни на убитой, ни в кэбе.

Итак, с этим тягостным делом все было покончено, если не считать, что я теперь находился под полицейским надзором. Я шел по Боу-Стриту, ломая голову над этой загадкой, в которой и я теперь был замешен. Само собой навязывалось предположение, что коса была какой нибудь священной реликвией, украденной из китайского капища, фанатические служители которого прилагают все средства, чтобы вернуть потерянное сокровище. Но такая гипотеза совершенно не объясняла роли красавицы — еврейки, а что она играла далеко не последнюю роль, в том я был уверен. Спокойное обозрение фактов показывало с очевидностью, что косу украла из моей комнаты именно она, а не кто либо другой; а какое-то третье лицо, — быть может, тот «желтолицый», о котором она говорила, — в свою

очередь украл косу у нее и предварительно задушил ее.

Полицейская теория убийства (к я тоже склонен был принять ее) сводилась к тому, что убийца притаился сзади или сбоку кэба, или даже внутри него, так как он не был освещен. Он вскочил вслед за женщиной и напал на нее в то же мгновенье, как шоффер пустил в ход машину; если же он сидел внутри, то выполнить это было еще легче. Потом во время затора на одном из перекрестков он незаметно вышел, оставив в таксомоторе свою жертву, которая была обнаружена только у подъезда гостиницы.

Я знал, что во всем Лондоне можно только в одном месте узнать что — нибудь путное в связи с этим делом, и отправился туда. Это был тот самый «китайский кабачок», куда я направлялся в предыдущий вечер, когда странная встреча моя с матросом, обладателем злополучной косы, заставила меня изменить маршрут. Все подонки азиатского населения столицы рано или поздно наведываются в этот кабак, и я надеялся, приложив некоторое терпение, выполнить то, в чем, как-будто, уже отчаялась и полиция, — разоблачить убийцу.

Зайдя предварительно к себе, чтобы переодеться в поношенный костюм, который я всегда ношу во время подобных ночных прогулок, я поехал на автобусе в восточную часть города. Ночь была исключительно темная. Луна не взошла и тяжелые тучи заволокли все небо; опустелые улицы Ист-Энда представляли собою очень неприветливую, но достаточно привычную и нисколько не страшную мне картину.

Почти бессознательно я пошел почти тем же путем, как и в прошлую ночь; но если воля моя в данном случае бездействовала, то несомненно провидение мною руководило. Поэтическое торжество справедливости редко встречается в действительной жизни, но в эту ночь мне было суждено воочию увидеть, с какой быстротой иногда кара обрушивается на злодея.

Переулки, по которым я шел, были совершенно безлюдны. Большая обвешенная улица осталась далеко в стороне, и единственные звуки, свидетельствовавшие о продолжающейся человеческой деятельности, доносились с реки. И когда откуда-то слева донесся до меня крик, то в первое мгновенье я был искренно убежден, что это только плод разыгравшегося воображения, живо воскресившего эпизод прошлой ночи!

В каких-нибудь двадцати шагах от меня шла смертельная схватка — между европейцем и азиатом!

Убедившись, что это не галлюцинация, я начал медленно подходить к дерущимся, но звуки моих шагов гулко раздавались в узком переулке, и мое приближение только вызвало внезапную и драматическую развязку.

— Думал, я не узнал твоей поганой рожи? — выкрикивал знакомый мне голос. — Нечего орать — наша взяла! Теперь никуда от меня не денешься… желторожий!.. И я бы тебя прикокошил… (тут посыпался ряд бешеных ударов и раздалось невнятное бормотанье). Но только не под силу человеку укокошить китайца…

Я кинулся вперед к месту, где смутно виднелись два человека, сцепившихся в смертной борьбе.

— Вот, получай от меня на память, — произнес задыхающийся сиплый голос, когда я уже подбегал.

Один из противников безжизненно брякнулся на землю. Победитель тотчас пошел прочь и, тяжело переступая, скрылся в другом, еще более тесном переулке, составлявшем прямой угол с тем, где произошла драка.

Топот тяжелых матросских сапог замер в отдалении. Остановившись возле лежавшего человека, я пристально осмотрелся по сторонам, — я не мог отделаться от впечатления, что кроме меня был еще другой свидетель этой сцены, — что чья-то тень при моем приближении торопливо притаилась где-то в близи. Но ночная тьма ни звуком не подтвердила этого, и я не увидел никакого соглядатая. Нагнувшись над лежавшим, — это был китаец, — я направил свет карманного фонаря на его желтое, сведенное судорогой лицо… Невольно я издал возглас ужаса.

Хотя такая задача была «не под силу» человеку, как выразился удалившийся с арены битвы кочегар, однако, в данном случае китаец был отправлен к теням своих праотцев. Вероятно, при последнем ударе его бритый череп с такой силой стукнулся о стену, что последовала мгновенная смерть от сотрясения мозга.

Опустившись на колени и смотря в его закатившиеся глаза, я размышлял о незавидности своего положения. Уже и без того полиция подозревала, что я знаю об убийстве в таксо-моторе больше, чем показал, и я понимал, как мне трудно будет доказать мою непричастность к этому второму убийству, тем более, что я вовсе не был расположен разоблачить властям истинного виновника. Ведь этот человек, лежавший безжизненно у моих ног, и был, очевидно, один из тех двух, которые покушались убить кочегара с «Юпитера».

Я не верил, что мой приятель-матрос с умыслом убил китайца, даже несмотря на его угрожающие слова; смерть последовала случайно и, в сущности, была чуть ли не заслужена.

Мои размышления не остановились на этом. На мертвом китайце была грубая синяя куртка, и я осторожно и с некоторой брезгливостью стал ощупывать боковой карман. Тотчас же мои пальцы наткнулись на знакомый

предмет… и я встал, посвистывая и держа в левой руке пропавшую косу!

Несомненно, сама справедливость руководила кулаками матроса. Этот китаец был убийца моей черноокой посетительницы!

Я стоял, не шевелясь, освещая карманным рефлектором найденную косу. Если мое положение было до сих пор затруднительным, то теперь оно становилось невозможным. То обстоятельство, что коса опять попала в мои руки, компрометировало меня окончательно. Что было делать?

— Боже, что это все значит? — произнес я вслух.

— Это значит, — ответил чей-то грубый голос, что на ваше счастье я следил за вами и видел все происшедшее!

Я быстро повернулся; сердце мое бешено заколотилось. Агент в штатском, приходивший вечером ко мне на квартиру, стоял передо мной, злорадно усмехаясь!

Я принужденно улыбнулся.

— Действительно, на счастье. Слава Богу, что вы здесь. Эта коса преследует меня как кошмар, я кажется схожу с ума!

Сыщик подошел и опустился на колени возле распростертого на земле трупа. Сделав беглый осмотр, он встал.

— Раз коса оказалась у него в кармане, — сказал он, то, по моему, можно утверждать, что он и есть убийца.

— Я того же мнения.

— А господин, который удалился как раз, когда я появился на сцену, — продолжал сыщик, — вероятно хотел свести с китайцем какие — нибудь старые счеты, но едва ли он имеет прямое отношение к этому делу.

— Я склонен согласиться с вами и в этом, — ответил я осторожно.

— Вы, пожалуй, затруднились бы описать его приметы?

— Боюсь, что да.

— Может быть, найдем его, — задумчиво промолвил агент и пытливо глянул на меня, — не справиться ли в конторе пароходного общества Самуильсона? Едва ли будет толк. Да и не к чему. Он и так избавил нас от лишних трудов. Но, тут он осмотрелся, приглядываясь к темным закоулкам: — не спрятался ли тут *еще кто нибудь?*

— Я почти уверен в том! — воскликнул я. — Готов присягнуть!

— Гм!.. Но теперь то его уже нет. Не будете ли вы любезны прогуляться до полицейской станции в Лаймхоузе и вызвать санитарную линейку? Я предпочитаю остаться здесь.

Я согласился и поспешил исполнять поручение. Повидимому, недоверие агента ко мне, хотя едва ли он серьезно подозревал меня в чем либо, — исчезли, и он признал меня даже своим союзником.

Итак, и в эту ночь мне пришлось изменить свою программу, так как моя экскурсия привела меня в конце концов в Боу-Стрит, откуда, по соблюдении известных формальностей, я отправился домой, унося в кармане таинственную косу. Один из агентов Скотланд-Ярда, инспектор Глазгоу, мой личный друг, встретился со мной в полицейском управлении на Боу-Стрите, и если бы не эта встреча, коса конечно была бы оставлена, как вещественное доказательство.

— Мы знаем, где найти ее в случае надобности, м-р Хэле, — сказал инспектор, и конечно вам можно доверить охрану вашей же собственности.

IV

Колокола собора св. Павла отбивали два часа, когда я запер за собою двери квартиры и расположился отдохнуть. Еще дрожали в воздухе отзвуки последних ударов, как вдруг в передней раздался громкий звонок.

С возгласом досады я отворил дверь. Передо мной стоял китаец!

— Мой надо видеть вас, — промолвил он, угодливо улыбаясь: — мой войти?

— Войдите, конечно, — сказал я не слишком приветливым тоном и, включив свет, пропустил китайца к себе в кабинет.

Мой посетитель был одет в готовый костюм матросского покроя, а на голове у него была широкополая шляпа котелком. И вот с тою же заискивающей улыбкой он снял шляпу и многозначительно указал на свой бритый череп.

Его коса была отрезана!

— Вы имеете мой коса, — объяснил он, — мой пришел получить…

— Великолепно, — сказал я, — но вы должны представить более основательные доказательства ваших прав.

— Да, сэр, — согласился китаец.

И в довольно понятной форме, хотя и коверкая язык, он посвятил меня в свою историю. Звали его Хи-Винг-Хо, по профессии он был, как я понял, матрос. Сойдя на берег в Суэце, он столкнулся с какими-то пьяными моряками, были пущены в ход ножи, и во время драки его коса оказалась отрезанной. Он в перепуге бросился бежать и только потом заметил потерю. Так как у китайцев коса пользуется большим почетом, то он сразу стал наводить справки и вскоре узнал от своего соотечественника, одного из команды «Юпитера», что драгоценная косичка попала в руки кочегара этого парохода. Он, Хи-Винг-Хо, нанялся на первое же судно,

отправлявшееся в Англию, завязав тем временем переговоры со своим сородичем на «Юпитере* относительно того, как бы заполучить косу обратно.

— Имя вашего друга было Ли-Пинг?

— Он! да, сэр!

— Продолжайте.

В Лондон он прибыл почти одновременно с «Юпитером*; команда последнего еще не получила рассвета, как Ли-Винг-Хо появился у входу в доки. Он признался, что в вида крайнего упрямства кочегара, они решили прибегнуть к силе; но он, повидимому, не узнал во мне человека, разрушившего их планы. До сих пор я должен был признать его рассказ достаточно правдоподобным, если не считать суэцкого эпизода с отрезанной косой. Но дальнейшее представляло собою какую-то нелепую выдумку, потому что по его уверениям выходило, как-будто Ли-Пинг, завладев косой (а как она к нему попала, про то Хи-Винг-Хо ничего якобы не знает), нарочно держал ее у себя в расчете на выкуп, потому что знал, как высоко Ли-Винг-Хо ее ценит.

Я сурово посмотрел на китайца, но он хорошо умел пользоваться своей маской бесстрастия. Что он лжет, было для меня очевидно; ведь не надеялся же Ли-Пинг выручить такую цену, ради которой стоило совершить убийство. Кроме того, участие в деле несчастной красавицы-еврейки было обойдено полным молчанием в остроумных росказнях Хи-Винг-Хо. Я стоял и смотрел на?! него, размышляя, как мне теперь поступить, как вдруг неугомонный колокольчик в передней снова нарушил тишину.

Хи-Винг-Хо нервно вздрогнул, обнаружив за все время первые симптомы тревоги. Но я уже знал, что делать. Вынув из ящика револьвер, я навел на него.

— Будьте добры открыть дверь, — сказал я холодным тоном.

Он отшатнулся, и начал приводить всевозможные отговорки.

— Откройте дверь!

Стиснув левый кулак, я подошел к нему вплотную. Он засеменил своей курьезной китайской походкой и отпер дверь. Передо мной стояли мой друг инспектор Глазгоу и рядом с ним высоченного роста и крупного сложения мужчина с сильно загоревшим угловатым лицом, типичный шотландец.

Пронзительные глаза незнакомца остановились на Хи-Винг-Хо и в них сверкнуло выражение, которого я никогда не забуду, что-то беспощадно смертоносное. Китаец же буквально весь съежился.

— Ах ты, китайская крыса!

Широко шагнув, незнакомец нагнулся к китайцу, схватил его за шиворот, как фокс-терьер хватает крысу, и приподнял от земли.

Незнакомец нагнулся к китайцу и схватил его за шиворот.

— Тайна косы, наконец, разгадана, мистер Хэле, — сказал агент.

— У вас она? — спросил шотландец, обращаясь ко мне, но не выпуская загривка несчастного Хи-Винг-Хо.

Я вынул косу из кармана и развернул ее перед его глазами.

— Не зайти ли вам ко мне в кабинет, — предложил я. — Там мы можем объясниться.

V.

Мы вошли в комнату, которая в течение этой ночи была ареной

стольких необычайных происшествий. Инспектор и я уселись, но шотландец, продолжая держать китайца, как какую-то неодушевленную ветошь, стоял в дверях во весь свой исполинский рост.

— Вам принадлежит слово, сэр, — обратился он к полицейскому. — Все факты у вас.

Пока инспектор Глазгоу рассказывал, мы слушали с напряженным вниманием, за исключением китайца, который был теперь совершенно неспособен чем-нибудь заинтересоваться и, если судить по его выпученным глазам, медленно задыхался.

— Этот джентльмен мистер Никольсон — прибыл с Дальнего Востока дня два назад. Он скупщик одной из богатейших брильянтовых фирм, и несколько недель тому назад у него был украден очень ценный брильянт…

— Украден вот им! — прервал шотландец, встряхивая, как щенка, злополучного Хи-Винг Хо.

— Да, вот этим Хи-Винг-Хо. Кража была совершена очень ловко и вору удалось ускользнуть с своей добычей. Он пытался сбыть брильянт некоему Исааку Когенбергу, владельцу кассы ссуд в Сингапуре. Но Когенберг оказался не таким простаком, и Хи-Винг-Хо улизнул из его рук только путем бегства из города на одном из пароходов, отплывавшем в тот же вечер. Во время путешествия он был столь неосторожен, что вынул брильянт из того места, где он был у него спрятан, и тайком рассматривал его. Среди команды был другой китаец, Ли-Пинг; он подсмотрел и, узнав, что у нашего друга есть такая драгоценность, он узнал также, где он ее прячет. В Суэце Ли-Пинг напал на Хи-Винг-Хо и завладел брильянтом.

Мы обязаны вам, м-р Хэле, за некоторые данные, по которым мы все это установили, а также и за следующее связующее звено рассказа. Кочегар, сошедший на берег с «Юпитера» вмешался в суэцкий поединок и отнял у Ли-Пинга плоды его мошеннического замысла. Хи-Винг-Хо, повидимому, получил в драке серьезные повреждения, но Ли-Пинг, как более пронырливый, выследил, куда пошел кочегар, и, бросив свой корабль, нанялся в команду «Юпитера».

Рассказ этот, разменявший много, в то же время, казалось, вносил и некоторую путаницу. Однако, я не перебивал и инспектор продолжал:

— Драма усложнилась присутствием четвертого действующего лица — дочери Когенберга. Поняв, что у него между пальцами проскользнуло целое богатство, старый закладчик послал свою дочь в погоню за Хи-Винг-Хо, узнав предварительно, на каком корабле он уехал. Ему не трудно было получить эти сведения, потому что он поддерживает сношения с весьма темными элементами населения. Дочь его — девушка выдающейся красоты

— положилась на свои дипломатические способности, но бедняжка! она не приняла в рассчет Ли-Пинга, который, очевидно, выслеживал вашу квартиру (а сам находился под неусыпным надзором Хи Винг-Хо!). Как ей удалось проследить все этапы, пройденные брильянтом, мы не знаем, и, вероятно, это так и останется для нас загадкой, но надо сознаться, что она была сообразительна и не останавливалась в выборе средств. Бедная девушка! такой ужасный конец! М-р Никольсон опознал ее нынче ночью в Боу-Стрите.

Только теперь осенила меня ошеломляющая разгадка.

— Понимаю! — воскликнул я. — Вот здесь… — и я вытащил косу.

— Моя коса! — слабо промямлил Хи-Винг-Хо.

Мистер Никольсон бесцеремонно швырнул его в угол комнаты и, взяв у меня косу, распустил ее неуклюжими пальцами. Из толстой ее части, дюймах в двух от того места, где она была отрезана от головы китайца, выкатился большой брильянт и упал на пол.

Секунд на двадцать в моем кабинете воцарилось полнейшее молчание. Никто не нагибался, чтобы поднять брильянт. На нем теперь была кровь. Никто не шевельнулся. Но прошло первое оцепенение, мы осмотрелись, — и оказалось, что Хи-Винг-Хо, как призрак, исчез из комнаты!

ЧЕЛОВЕК, УБИВШИЙ МАРСТОНА

Рассказ Арт. Экерслея

В КОМНАТЕ было тихо и темно, Терсфильд, открыв глаза, некоторое время воображал, что проснулся в своей собственной постели в пасмурное зимнее утро. Но постель была странно твердая и неудобная. Ему стало холодно. Он высунул руку, чтобы натянуть на плечи одеяло, и убедился, что одеяла нет. Это заставило его сесть, и он увидел, что лежал совершенно одетый на диване в незнакомой ему комнате. Он попытался собраться с мыслями; и постепенно смутное сознание чего-то неприятного перешло в отчетливое воспоминание о событиях предшествовавшего вечера. Голова его сильно болела; очевидно, накануне он здорово выпил; и внезапно он вспомнил, где и как просадил свой последний соверен, набираясь храбрости для предстоящего свидания с Марстоном. Марстон? Это имя пробудило его к делу. Теперь ему удалось вспомнить, как он нерешительно брел по улицам к дому ростовщика, как Марстон сам открыл ему дверь, объ’снив, что он один в доме, и провел наверх, в свою комнату, где он обычно занимался своими проклятыми делами. После этого между ними, кажется, произошел неприятный разговор; у Терсфильда осталось впечатление, что сам он шумел и ругался, в то время, как Марстон был, по своему обыкновению, бесстрастен и безжалостно вежлив со своей жертвой. Дальше картина сделалась туманной. По всей вероятности вино сразу ударило ему в голову, он не мог вспомнить, как оставил дом ростовщика и каким образом очутился в своем теперешнем положении. В это мгновенье он сделал второе поразительное открытие. Оказывается, он не уходил из дома ростовщика. Обои, на стенах были те же самые, которые плясали

перед его глазами в течение всей неприятной сцены со стариком. Он все еще был в комнате Марстона.

Медленно поднялся он на ноги и обвел глазами комнату. Шторы были опущены, но сквозь щели проникал слабый свет раннего утра. Он отвернулся от окна, и взгляд его упал на фигуру самого Марстона. Ростовщик сидел у стола, закутанный в халат из цветного шелка, в котором Терсфильд видел его накануне. Спина его была откинута на спинку стула, а глаза со странно выпученными белками смотрели куда-то в пространство мимо Терсфильда. Его лицо было зеленовато-бледное, только с одной стороны кровь из раны на голове окрасила его волосы, шею и шелковый халат. Невидимому он был мертв уже несколько часов. Терсфильд обнаружил эго как раз в тот момент, когда собрался обратиться к нему за разъяснением. Он начал дрожать так сильно, что вынужден был схватиться за стол, чтобы удержаться на ногах. Все это произошло прежде, чем он заметил палку. Это открытие он сделал, когда взгляд его блуждал по скорченной фигуре. Палка лежала в стороне на полу немного позади Марстона, как раз там, куда ее должны были бросить после рокового удара. Это была дубовая палка с необычно толстым набалдашником, залитым свинцом, чтобы сделать ее тяжелее. Разумеется это было скорее оружие, чем обычная палка. Терсфильду часто приходилось выслушивать насмешки по поводу ее смертоносных качеств.

Палка… была его собственная. Очень медленно, всеми силами своего мозга борясь против очевидности, он все-таки вынужден был притти к неизбежному выводу. Марстона убил он сам.

Глаза со страшно выпуклыми белками смотрели куда-то в пространство.

Приняв этот факт, он начал разбираться в деталях. Он мог быть почти без сознания, когда, в состоянии полного опьянения, совершил это дело; в противном случае возможно ли немедленно после этого заснуть мертвым сном в той же комнате? Нс опьянение обычно не служит оправданием для убийцы. Терсфильд уже видел себя на виселице. Если только… Внезапно необычайное спокойствие охватило его; в то время, как одна половина его мозга разбирала совершенное им убийство, другая начала изыскивать всевозможные способы спасения и бегства.

Прежде всего он посмотрел на часы. Было начало седьмого. Следовательно, в его распоряжении было самое большее полчаса, прежде чем в доме проснутся. К тому времени он должен быть далеко. Он шагнул вперед и, стараясь не шуметь, поднял палку. При этом он заметил красное пятно на своей руке. Он мог запачкать ее всего несколько минут тому назад, когда дотронулся до стола. А, может-быть, пятно на ней было уже раньше. Его шляпа лежала на стуле около двери, он помнил, что бросил ее туда, когда вошел в комнату. Он надел ее; и потом, очень спокойно открыл дверь. Самое трудное было сделано. Только бы не встретить теперь кого-нибудь на лестнице!

В то время, как он стоял так в нерешимости, держась рукой за дверь, другая мысль пришла ему в голову. Вид мертвого Марстона так поразил его, что он совершенно забыл, как тот при жизни преследовал и мучил его за долги. Бумаги, удостоверяющие их, находились, как он знал, в несгораемой кассе, которая стояла за письменным столом. Он собственными глазами видел, как ростовщик алчным движением положил их туда. И ключ торчал теперь в замке. Нет ничего легче, как открыть кассу и взять бумаги. Раз уж он подверг себя такому риску, то было бы досадно не извлечь из этого дела хоть какой-нибудь выгоды. В следующее мгновенье он уже рылся в кассе, но движенья его были далеко не такие уверенные, как мозг, руководивший ими.

В это время в нем проснулся другой Терсфильд, наблюдательный и сообразительный, который сразу увидел, как настоящий его поступок должен облегчить дело розыска. Было очевидно, что, помимо бумаг, в книгах или дневниках Марстона имелись записи о его сделках с клиентами. Если записи эти будут прочтены, а документов не окажется, то это будет равносильно тому, что Терсфильд сам затянул петлю на своей шее. Долги,

от которых он только-что хотел избавиться, были ничто по сравнению с этой опастностью. Вместо того, чтобы открыть кассу, он запер ее, вытащил ключ и положил его на стол рядом с вытянутой рукой мертвеца.

Времени оставалось мало. Он снова двинулся к выходу, вышел на площадку и очень осторожно прикрыл за собою дверь.

Насколько он знал, Марстон жил один во всем доме со стариком, исполнявшим одновременно обязанности и клерка и слуги; по всей вероятности он спал этажем выше, и разбудить его было не так-то легко.

Два-три раза ступени лестницы скрипнули под его ногами, и этот скрип прозвучал в его ушах, как не вероятный шум, но молчание спящего дома не нарушилось. Он спустился к парадной двери и уже собирался повернуть ручку, как вдруг вспомнил, что пальцы его, запятнанные кровью, могут оставить на ней следы. Он обернул руку своей мягкой шляпой и тогда только открыл дверь.

Влажный воздух осеннего утра освежил его лицо и придал ему сил. Насколько он мог видеть, сквер, пролегавший у дома, был безлюден — судьба покровительствовала ему. Он осторожно закрыл дверь и быстро зашагал прочь.

Из дома он выбрался благополучно и теперь с каждым шагом чувствовал, как увеличивается его надежда на спасение. Палку с набалдашником он все еще держал в руке. Резко повернувшись, он перешел через дорогу к решетки сквера и швырнул палку в кусты, что показалось ему целесообразным: полиции не придет в голову искать здесь оружие, которым был убит старик. Он вернулся на тротуар и пошел дальше.

В этот момент он услышал в сквере чьи-то шаги. Вначале он принял их за отголосок собственных и остановился, чтобы прислушаться, но шаги были попрежнему слышны и звучали в тишине зловеще и странно. Непреодолимое любопытство узнать, кто был этот человек в сквере, охватило Терсфильда. Он чувствовал, что не в силах бороться со своим побуждением; оно преследовало его, как кошмар. Пока он стоял в нерешимости шаги вдруг прекратились; очевидно, человек остановился как раз за углом, откуда только что вышел он сам. Но первый дом от угла был дом Марстона. Теперь Терсфильд убедился, что он во что бы то ни стало должен увидеть неизвестного: собственная безопастность требовала этого. Он снова перешел к решетке и на цыпочках побежал назад, к тому месту, откуда можно было видеть дом Марстона Ему ни разу не пришло в голову, что из окон домов, выходивших в сторону сквера, кто-нибудь мог наблюдать за его странной прогулкой. Он думал только о том, что какой-то человек стоял у порога дома, из которого сам он только что вышел, и

собирался повернуть ключ в замке. Дверь открылась, человек поднял голову, и Терсфильд узнал старого клерка Викстеда. И сразу мелькнуло: Значит, все предосторожности были бесцельны, в доме все время не было ни души. И Терсфильд вспомнил, как Марстон сам сказал ему, что клерк ушел.

Он пошел быстрее и, через двадцать минут, стоял у своего дома. Улицы за это время наполнились народом. Терсфильд почувствовал странное содрогание, когда поравнялся с полисменом. Проходя мимо него, он слегка задел рукав его мундира, думая в это время про себя: «Если б он только знал!» Ни теперь, ни позднее он ни минуты не чувствовал ни малейшего угрызения совести, вспоминая убитого им человека.

Терсфильд почувствовал содрагание, поровнявшись с полисменом.

Терсфильд, как и его жертва, жил один. Он занимал две маленькие комнаты, примыкающие к второразрядной книжной лавке, которая должна была бы доставлять ему средства к существованию. На самом же деле она

приносила ему скорее дефицит, что и побудило его вступить в сношение с ростовщиком. Но теперь ее спокойный уютный вид подействовал на него благотворно. Он прошел в спальню, снял с себя пиджак и спрятал его в узел под кровать. Потом расжег плитку и спокойно и методически приготовил себе завтрак, после чего открыл ставни в лавке и стал ждать дальнейших событий.

Первые новости он узнает, вероятно, из дневных газет. По мере того, как шло время, интерес его и, пожалуй, тайное удовольствие, которое доставляло ему его необычайное положение, возрасли непомерно. Он больше ничуть не боялся быть открытым. Его занимала твердость его собственной руки; более, чем когда-либо, он ощущая эту двойную работу мозга, занятого одновременно и обычными, каждодневными делами, и одной всепоглощающей мыслью.

Когда появился первый мальчик с вечерними газетами, он вышел за дверь лавки и купил одну. Он не ушел с ней в комнату за лавкой, а развернул ее тут же у входа.

Это была своего рода легкая бравада; со временем она могла его увлечь. Как он и ожидал, в газете был помещен краткий отчет об убийстве Марстона, всего несколько строк в конце столбца: «Нам сообщено, что сегодня утром мистер Джемс Марстон был найден убитым в своей квартире, в… сквере. Это потрясающее открытие было сделано клерком покойного, Альфредом Викстедом, который, придя к мистеру Марстону в 9 часов утра, нашел его мертвым. Об этом было немедленно сообщено полиции, и арест убийцы не заставит себя ждать».

Уверенность репортера не слишком смутило Терсфильда. Однако его удивило, что убийство было обнаружено так поздно; замечательно, что Викстед провел в доме более двух часов, прежде чем открыл это. Во всяком случае дело сделано, и убийство обнаружено. Его охватило страшное любопытство, ничего общего не имеющее со страхом, узнать, какие шаги предпримет теперь полиция. Если б он только мог получить сведения об этом, он был бы вдвойне вооружен. В это время взгляд его упал на связку книг, лежащую на прилавке, и он с трудом удержался от радостного восклицания. Какое счастье! Судьба явным образом покровительствует ему: среди его немногочисленных клиентов был некто Пиллинг, сыщик из Скотленд-Ярда. До последнего времени между ними были обычные отношения продавца и покупателя, но несколько дней тому назад Пиллинг зашел в лавку, розыскивая одно специальное издание, а Терсфильд пообещал отыскать его, и тогда же они условились, что сыщик через некоторое время заглянет справиться в лавку. Теперь эта книга уже лежала

на прилавке Терсфильда. Ничего не могло быть проще и естественнее, как отнести ее самому по окончании рабочего дня.

Помимо прочих соображений, ему нравилась мысль перенести войну прямо в лагерь противника — он будет шпионить за шпионом.

Когда стемнело, он вышел на улицу, захватив с собой книгу. Это был первый том истории графства, второй он оставил у себя, чтобы, в случае необходимости, иметь предлог для второго визита. Время до закрытия лавки он провел, сжигая всю одежду, которая была на нем в прошлую ночь. Казалось, что последнее звено, связывающее его с преступлением, было уничтожено.

Сыщик был дома и принял его приветливо. Пиллинг был кругленький, добродушный старый джентльмен, скорее напоминающий всей своей внешностью деревенского священника.

Помимо его работы, у него было два увлечения — страсть к картам и коллекционирование всего, касающегося топографии Норфолька. Терсфильд принес ему книгу как раз по этому вопросу.

— Вы очень, очень любезны, — сказал Пиллинг, любовно перелистывая толстый том и ласково поглядывая на своего посетителя. Дневная работа была окончена, и Пиллинг разрешил себе одеть домашнюю бархатную куртку; на столике рядом с ним стояли вино и водка, а на камине небольшой чайник. — Придвигайте ваш стул, мистер Терсфильд, и позвольте налить вам чего-нибудь.

Терсфильд охотно согласился. Он оглядел удобную комнату, заставленную книжными шкапами; как ни мало походила она на гнездо паука, все же ему она казалась именно такой. И сейчас он находился в самом центре паутины, и однако не чувствовал себя испуганным, а только очень заинтересованным.

— Я знаю, мистер Пиллинг, что вы— человек очень занятой, — сказал он, — но надеялся, что в этот поздний час вы будете свободны.

— Ну разумеется. Я работаю, как и всякий другой. Но временами бывает тяжелая работа.

— Но интересная? — ввернул Терсфильд.

Его хозяин протянул ему стакан, благосклонно улыбаясь.

— Приходится близко соприкасаться с человеческой природой, — заметил он, — и, конечно, в этом заключается известная доля интереса. — Он поднял свой стакан, кивнул Терсфильду и выпил.

— Но далеко не в той мере, как можно было бы предположить со стороны.

— В самом деле? — Терсфильд глотнул вина, с видимым уважением

глядя на улыбающее лицо своего хозяина. — А простому человеку кажется, — продолжал он робко, что такие дела, как убийство…

Пиллинг весело рассмеялся. — Поверьте мне, мой друг, — ответил он, — обычное убийство — это самое глупое и понятное дело. В нем можно разобраться сразу!

— Претенциозный осел! — подумал про себя Терсфильд, — Он еще хочет меня учить. — Снова желание побравировать охватило его. Если б этот старый дурак только знал! Все же он придал своему лицу почтительное выражение. — Неужели? — пробормотал он.

— Да, — сказал Пиллинг. — Рассмотрим какой-нибудь случай. Ну хотя бы это новое убийство, которым заполнены последние газеты. Я в этом деле не участвую, следовательно могу говорить свободно. Они называют его-теперь таинственным, но я нисколько не сомневаюсь, что все окончится очень просто.

— Вы думаете, они схватят его? — спросил Терсфильд. Для него было острым разочарованием узнать, что следствие ведет не Пиллинг. Но в следующее мгновение он увидел в этом новое преимущество. Сыщик, разумеется, будет в курсе дела, а он Терсфильд, воспользуется его недостатком профессиональной скрытности.

— Дорогой мой, — ответил Пиллинг, — я не помню ни одного случая во всей моей практике, когда бы я не был уверен, где надо искать виновника. И находил его. Что же касается дела этого Марстона, то дайте мне только факты, и я готов биться об заклад, что завтра же наложу руку на преступника. — И с этими словами он опустил ладонь на колено Терсфильда.

— Да, я вам верю, мистер Пиллинг, — сказал продавец. Он еле удерживался от смеха; этот визит оказался еще забавнее, чем он предполагал.

Пиллинг улыбнулся, польщенный. — Можно проделать интересный опыт, — заметил он. Я не знаю, есть ли у вас время присутствовать на допросе. У меня его нет. Может-быть, вы пойдете туда и выслушаете показания? Вечером вы передадите их мне, и я скажу вам, кто убийца. Идет? Мы можем даже биться об заклад, ну хотя бы ставка — цена этой книги. — Идея, видимо, очень понравилась ему; он посмотрел на Терсфильда с живейшим интересом. — Идет? — повторил он.

— Хорошо. Я… я согласен, — сказал Терсфильд. Дела шли лучше, чем он смел надеяться. Таким путем он он мог проникнуть в самый лагерь противника.

— Отлично. В то же время я оставляю за собой право воспользоваться

теми фактами, которые смогу узнать сам. — Сыщик задумался. — Я полагаю, вы лично ничего не знали об этом Марстоне? — спросил он.

Вопрос явился полной неожиданностью, но Терсфильд, к собственному своему восхищению, не растерялся.

— К сожалению, знал, — ответил он, — Я был должен ему, — или, вернее сказать, я все еще должен его душеприказчикам, — порядочную сумму. — Он подумал про себя, что какой-нибудь дурак на его месте стал бы отрицать этот факт.

— А! — сказал Поллинг с оттенком сочувствия в голосе, он был во всех отношениях тяжелым кредитором. Я надеюсь, что при настоящем положении дел вам будет легче. — Он встал, прекращая разговор. — Итак, до завтра, мистер Терсфильд.

Выйдя на улицу, книгопродавец остановился на мостовой, глядя на спокойные звезды, которые, казалось, мигали ему, одобряя его отвагу.

— Кто бы мог поверить этому? — подумал он. А завтра допрос. В то время, как они будут пытать и выспрашивать, он будет сидеть тут же, рядом, никем не тревожимый. В эту ночь он долго не мог заснуть, забавляясь юмористической стороной дела.

Однако на следующий день следствие несколько разочаровало его. Дело велось чисто формально. Викстед был тут, и его присутствие немного развлекло Терсфильда. Старый клерк еще больше постарел за эти несколько часов. Он давал свои показания слабым голосом и, казалось, был потрясен всем случившимся. Тот, кто не знал Марстона, мог предположить, что Викстед совершенно подавлен потерей любимого хозяина. Он был не в состоянии что-либо разъяснить, и его показания не пролили никакого света на преступление. В ночь, когда совершилось убийство, его не было дома, он вернулся только утром, он думает, что это было около половины девятого, но не может определить точно.

Терсфильд с трудом подавил безумное желание исправить его ошибку. Среди напряженного молчания старик начал рассказывать, как он нашел того. В комнате было почти совсем темно, а так как зрение у него слабое, то он ничего не мог заметить, пока не поднял шторы. После того, как он подробно описал положение и вид трупа, следователь задал ему несколько вопросов с видимым намерением выяснить, какие части комнаты были невидны от двери.

— Этот диван, например, — Терсфильд чуть заметно вздрогнул, — по плану видно, что он стоит по ту сторону письменного стола; вероятно, он был от вас совершенно закрыт?

Викстед подтвердил это.

— Тогда, — сказал следователь, бросив взгляд в сторону репортеров, — вполне возможно, чтобы убийца спрятался в комнате, когда вы вошли туда, и ускользнул, пока ваше внимание было отвлечено шторой?

Викстед после минутного колебания, допустил возможность этого.

— Ага! — сказал следователь. Этот драматический момент вызвал волнение среди зрителей. Следователь чувствуя, что интерес достиг высшей точки, отложил вопрос до следующего раза. Терсфильд, смешавшись с выходившей толпой, с трудом удерживался от смеха. Как легко было обмануть этих олухов! Но ему было жалко старика; следовало бы как-нибудь вознаградить его.

Остальную часть дня Терсфильд чувствовал себя нервным и раздраженным, с нетерпением ожидая свиданья с сыщиком.

Вечером он пошел к Пиллингу. Гот ждал его, и видно было по его лицу, что он горит желаньем сообщить ему что-то новое. Добродушно-покровительственные манеры сыщика и смешили и раздражали Терсфильда, вызывая в нем желание раскрыть свою тайну.

— Садитесь, садитесь! суетливо приглашал Пиллинг, — Вы пришли по поводу нашего доклада? Бросило ли следствие новый свет на эту замечательную «тайну»?

Глаза Пиллинга блестели от предвкушаемого удовольствия. Видно было, что он только ждет момента, чтобы сообщить свое сенсационное открытие. Поэтому Терсфильд отвечал кратко.

— Все это каждый знал и раньше. Они не сделали ни одного нового шага к поимке преступника.

Сыщик удобно откинулся на спинку стула. — Что вы скажете, мистер Терсфильд, — спросил он, — если я вам сообщу, кто преступник?

Терсфильд на мгновенье смутился, но, увидев улыбающееся лицо сыщика, снова успокоился.

— Вы не шутите? — сказал он.

— Нисколько. Как я и предсказывал, дело совершено ясно. Но я должен сделать маленькое вступление. Наш вчерашний разговор заинтересовал меня настолько, что сегодня я в свободную минуту сам занялся расследованием. Я провел около часа на месте преступления. Но мне было достаточно четверти часа, чтобы открыть истину. Боуэрс, которому поручено дело, наговорил мне не мало комплиментов по этому поводу. Его заключения, конечно, сходятся с моими, но ему понадобилось два дня, чтобы сделать их.

— К чему же вы пришли? — спросил Терсфильд.

— Во-первых, убийство было совершено кем-то из близких людей в

доме. На это указывает множество деталей, но некоторые легко могли быть упущены из виду при поверхностном наблюдении. Кое-что я указал Боуэрсу. Вы, кажется, что-то сказали?

Терсфильд издал какой-то нечленораздельный звук, напоминающий не то кашель, не то подавленный смех. Он отрицательно покачал головой.

— Я не буду перечислять все доказательства, которые я нашел, это займет слишком много времени. Яснее всего были следы пальцев. Отпечаток запачканной кровью руки человека был отчетливо виден на дверях комнаты, где лежало тело. Но на парадной двери никаких следов нет. Какой вывод сделаете вы?

Терсфильд снова откашлялся. — А вы? — спросил он.

— На основании этого и некоторых других мелких подробностей (среди них интересен тот факт, что ключ от кассы, найденный около трупа на столе был положен туда убийцей через несколько часов после преступления) заключение можно считать безошибочным. Человек, убивший Марстона, жил с ним под одной крышей.

— Но ведь там не было никого… — начал Терсфильд. Он замолчал, заметив торжествующее лицо Пиллинга. — Там был только старик Викстед, — поправился он.

— Сегодня вечером или завтра утром Викстед будет арестован за преднамеренное убийство, — сказал Пиллинг спокойно.

Нельзя сказать, что Терсфильд был потрясен этим известием. Он сознавал только, что его поведение и планы следует пересмотреть в виду нового оборота дел. Ничего подобного он не ожидал. Конечно, этому человеку не может грозить непосредственная опасность, несомненно, обнаружится какая-нибудь ошибка, делающая обвинение невозможным. Но все же это осложняло дело. С минуту он сидел молча.

— Боюсь, что я получу историю графства даром, — заметил шутливо Пиллинг.

Терсфильд рассмеялся; он уже обдумал план действий.

— Только в том случае, если это будет доказано, — ответил он. Он решил, что первым делом пойдет к Викстеду и предупредит его, если еще не поздно. В противном случае он придумает что-нибудь другое. Его безграничная уверенность в себе не поколебалась. — Во всяком случае, я вам очень благодарен за интересное объяснение, — прибавил он. Он поднялся, отклонил любезное предложение Пиллинга поужинать вместе, и быстро вышел из комнаты. Им руководил не только долг по отношению к Викстеду, но подсознательно он чувствовал, что ему предстоит еще более опасный и смелый эксперимент. Убийца, пытающийся спасти невинно

обвиняемого— это уже была настоящая драма.

Было уже около десяти часов, когда он вышел от Пиллинга. Каждая минута была дорога. Когда он подходил к дому убитого ростовщика, ему живо вспомнилось его последнее посещение, это было ровно сорок восемь часов тому назад. Странным казалось, что мысль снова увидеть место своего преступления, не внушала ему ужаса.

Самоуверенность заступила место страха.

Он знал, что Викстед все еще спит в этом доме. Когда он подошел к знакомой двери, фигура полисмена показалась в тени деревьев, и луч фонаря упал на него. Это успокоило Терсфильда: значит, арест еще не произведен, и дом попрежнему находится под наблюдением.

Клерк сам открыл ему дверь. Свет лампы падал на него сверху, и хотя Терсфильд еще утром заметил в нем сильную перемену все же его поразило это мрачное, угрюмое лицо. Казалось, он был совершенно подавлен.

Вчкстед не выразил никакого удивления по поводу столь позднего визита. Молча, пропустил он его вперед закрыл входную дверь и провел в свою комнатку, которая находилась как раз под памятным Терсфильду кабинетом ростовщика.

Войдя, Викстед, все так же молча, повернулся к продавцу, терпеливо выжидая, пока тот заговорит. Терсфильду внезапно почудилось что-то неопределенно-странное в его манерах, Он громко заговорил.

— Я пришел по этому делу Марстона. — Вспомнив о полисмене, дежурившем под окнами, он понизил голос. — Я пришел предупредить вас.

— Да? — Глаза Викстеда, потускневшие, будто невидящие, остановились на нем на мгновение. — Это очень мило с вашей стороны, мистер… Терсфильд, не правда ли? Да я помню вас хорошо.

— Вы должны это знать, — зашептал Терсфильд, — есть основание предполагать, что вы будете арестованы по подозрению. Я слышал об этом сегодня вечером… случайно. Может-быть, я смогу вам помочь.

— Вы очень добры, — ответил старик, — очень добры. Я не знаю, почему вы с таким интересом относитесь к этому. Теперь уже ничего нельзя сделать, но все же я вам очень благодарен.

Терсфильду казалось, что у старика в голове не все благополучно. Пока он говорил, руки его все время шарили в ящике. Продавец следил за ним с нетерпеньем.

— Вы меня поняли? — спросил он. — конечно, я знаю, что это обвинение нелепо. Вас не было дома всю ночь. Можно представить доказательства, а в случае, если… — Он круто оборвал, слова замерли на

губах: старик вытащил из ящика какой то предмет и положил его на стол между ними.

Это была дубовая палка с толстым набалдашником. Ошибиться было невозможно.

— Господи! — вскрикнул Терсфильд, — откуда вы это достали?

Викстед с минуту смотрел на палку, потом поднял глаза на своего посетителя.

— Я нашел ее в кустах, в сквере, — сказал он, — я не знаю, как она туда попала.

— Это та самая палка, которой я убил Марстона.

…Это та самая палка, которой я убил Марстона.

Все было сказано так просто, что Терсфильд не поверил своим ушам.

— Что такое? — закричал он, наклонившись вперед и с диким изумлением смотря на старика.

— Боюсь, что я слишком поразил вас, — ответил тот, — да, это я убил

его. Я заметил, что там, на допросе они подозревали меня. Во всяком случае, завтра я сознался бы сам. Напряжение оказалось слишком сильным. Вы вряд ли сможете понять, что я вынес за последние два дня.

— Но… но… — Терсфильд не находил слов. Почва заколебалась у него под ногами. — Ведь, это же невозможно!

— О. нет! Это так. Видите ли, я не на всю ночь уходил. Я вернулся неожиданно около двух часов и чувствовал себя слегка возбужденным. Я поднялся наверх, никак не ожидая застать там Марстона в такой поздний час. Я хотел взять там свои бумаги, которые он удержал у меня.

Я ненавидел его сильно. Когда я открыл дверь, в комнате было темно. Только на столе горела лампа и освещала Марстона, сидевшего спиной ко мне. Входя, я наткнулся на палку; вероятно, ее забыл у двери кто-нибудь из посетителей. Внезапно во мне проснулась непреодолимая ненависть к этому человеку. И я убил его палкой на том самом месте, где он сидел.

Он передавал эту историю ровным, спокойным голосом, почти без всякого оттенка волнения или какого-либо другого чувства. Терсфильд слушал его, в нем крепло сознание, что все это — правда, и чудовищное сооружение, воздвигнутое им самим, начало рушиться вокруг него. Он задрожал.

Старик продолжал говорить, казалось, не замечая, какой эффект производят его слова.

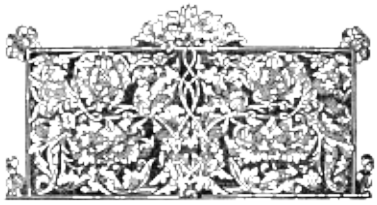
— Как только это было сделано, я бросился вон из дома. Несколько часов я бродил по улицам, Было раннее утро, когда я вернулся, но я недолго мог оставаться в комнате. Исчезновение палки поразило меня. Теперь я знаю, что захватил ее с собой. Вы видите, я могу объяснить все.

Терсфильду выяснилась вся цель событий. Старый клерк нанес смертельный удар своему хозяину, пока он, Терсфильд. лежал в пьяном забытьи на диване, с милостивого разрешения Марстона, В этом заключалась вся его роль, а он-то считал себя главным действующим лицом, чуть ли не сверхчеловеком, восхищаясь собственной смелостью и ловкостью. Разочарование охватило его.

— Но подумайте, — заметил старик, с первым проблеском чувства. — ведь, этот человек был негодяем. Я не жалею. что убил его.

— И я не жалел, — ответил Терсфильд. Он тяжело двинулся к двери.

— Там, на улице стоит полисмен, — сказал он, — может — быть, он вам нужен?

К ПОЛЮСУ

Юмористический рассказ К. Брисбена.

— К СЕВЕРУ? — повторил старый Билль Кэрью, протягивая ноги к солнцу, (мы сидели в тени у береговой стены). Да, раз. Большей частью я ездил по теплым широтам, а тут меня уговорил один чудак, по имени Спукенс. Дед его ушел с Джоном Франклином — тем, что пропал со своей экспедицией; но Спукенс вдолбил себе в голову, что они вовсе не погибли от стужи как думали все, а просто заехали так далеко, что уж и вернуться нельзя было. Взяли себе эскимосок в жены и остались там жить. Что же деньги нашлись, Спукенс выстроил по всем правилам, особый корабль, какой нужно было по его расчету, чтобы пуститься на поиски, и пригласил меня, потому что слышал обо мне, как о моряке надежном, а я как раз в ту пору не имел работы.

— Опыта ведь у меня нет насчет ледовитых морей, мистер Спукенс, — говорю я ему.

— И незачем, — говорит;—мне нужно только человека с головой на плечах. А подштурмана, из бывалых сыщем — не велика хитрость. К тому же я сам еду с вами, и хоть я по вашему и не моряк, но прочитал все книги, какие только написаны про северный полюс, и знаю, где концы найти. А чего не знаю, то говорит все можно написать на вашем одном ногте.

— Ладно, говорю. А где корабль?

— В Соутгемптоне. Поедем вместе— посмотрим.

Так и сделали на другой же день. Ну, и чудной же корабль — другого не сыщешь такого! Нижняя половина из железа, верхняя — из дерева — где это видано? А с боков и у кормы большие круглые ящики, да такие неуклюжие.

— Это на что?

— Это? А это, говорит, колеса. Разве я не сказал, что судно на колесах?

— Не говорили. Но как же это на колесах?

— Да! это, говорит моя собственная затея. Что случается почти со всеми судами в полярных водах? Льдом затрет — и корабль ни туда ни сюда— иди пеший! А у нас того не будет. Нельзя на парусах по воде — мы сейчас колеса опустим, на лед вскатимся и марш вперед.

— Затея то недурна! — порадовался я. — И придумали же вы! Ну, а, скажем, если противный ветер будет, — можно лавировать?

А как же! Вон на корме колесо это руль.

— А если затишье?

— Все-равно будем по тому курсу ехать к северу, только медленнее. Но не скажу, какое у меня для этого припасено средство, пока сам не испытал его. Вы еще глазам своим не поверите.

И подлинно оказалась потом удивительная штука, но об этом после, а сначала надо рассказать о другом. Пришел новый подштурман наш, можно сказать, выросший на китоловных промыслах, и ему тоже все в диковину. Звали его Жуль Блонжер, французское имя; но он был такой человек, как вы или я, потому что смолоду плавал всегда на английских китоловах. Иногда только прорывалось в нем; что нибудь его, бывало взбаламутит, он и давай руками этак страшно махать и по своему что то говорить язык свой вдруг вспомнит. Так с ним случилось и при виде «Шустрой обезьяны» — это мистер Спукенс назвал так свое судно, потому что ему нипочем было взбежать на самый полюс.

Жуль руками тычет во все стороны чуть не заехал мне по уху.

— Мон дю! кричит: ке дябль? Это что за кругляши такие вдоль бортов?

А как услышал, что это колеса, так с ним чуть припадок не сделало нехорошо, что я догадался сказать слово «бир», которое, я знаю, по французски значит пиво, и налил ему кружку, потому у м-ра Спукенса на этот счет было хорошо. Помогло он согласился что выдумка удачная, хотя и совершенно нова для него.

Ну, распустили мы паруса, и только что вышли из пролива и взяли

курс на север, как м-р Спукенс позвал меня и Жуля в каюту и говорит:

— Хочу посоветоваться с вами. Эта поездка, говорит, стоит мне денег и мне важно знать, нельзя ли в пути чем-нибудь так, между делом, приработать?

— Есть киты, — отвечает Жуль: но их поубавилось, потому что последнее время за ними слишком усердно охотились. Потом тюлени есть, но и с ними не лучше, А потом можно выручить кое-что на ловле белых медведей — для продажи их в зверинцы, хотя, по правде, не каждый умеет за это взяться.

— Вот это дело! — воскликнул м-р Спукенс. — Киты — чепуха, а из-за тюленей стоит ли мараться? Но ловля медведей — вот дело занятное и нравоучительное. Сейчас засяду, чтобы обдумать все по плану.

С той поры, как забрался он вниз в свою каюту так и не показывался несколько дней. Только за столом и встречались. Льды начались. Вышел наконец, на палубу.

— Не видно ли медведей? спрашивает, да так озабоченно.

Мы говорим нет, а Жуль поясняет что в этих местах они еще редки, надо дальше к северу. И надо же так случиться, что в эту самую минуту вахтенный кричит:

Белый медведь под правым галсом!

Гляжу в трубу — правда, идет себе по льду.

— Га! Га! — заорал м-р Спукенс, искоса посмотрев на зверя. — Сейчас изловим тебя, красивый бездельник! А ну-ка, правьте прямо на лед, капитан Кэрью, — испробуем наши колеса да сцапаем этого приятеля.

— Есть, сэр, — говорю я и подаю команду открыть ящики и опустить колеса на изготовку. — Только как же вы его поймаете? Я слышал, тигров вот ловят на пальмовый лист и птичий клей они будто слепнут от него и дуреют; но листьев здесь взять негде, а птиц хоть и много, — опять-таки надо уметь приготовить из них клей. Вы как же думаете поступить?

— Га! га! отвечает он. Подождите-ка! Ну, вот и лед. Следите за штурвалом — влево на румб! Держитесь крепче, молодцы!

В ту же минуту переднее колесо уже коснулось льда.

Представьте, мы шли со скоростью скажем, семи-восьми узлов — встряхнуть нас ведь должно было? Ничуть! У м-ра Спукенса корабль был со всеми затеями — с пружинами и этакими буферами на манер как в поездах — судно только подскочило слегка как резиновый мячик, и раньше чем вы успели бы сказать «вот тебе раз!» мы уже взъехали на лед и корабль мчался с прежней быстротой, повинуясь малейшему повороту штурвала, соединенного с колесом под кормой — совсем по настоящему, как на воде.

Сначала медведь стоял на месте посматривая на нас и, вероятно, расчитывая, что мы разобьемся и тогда ему будет лакомая пожива, но увидев, что мы выпрыгнули на лед с легкостью воздушного поцелуя и подъезжаем к нему, я думаю, он понял, что пора ему задать стрекача. Но куда там! ветер все крепчал, и нам нетрудно было за ним угнаться.

М-р Спукенс спустился к себе и вскоре вернулся с толстым двуствольным ружьем.

— Заряжается эта штука воздухом расход невелик, — заметил он, накачивая рычагом. — А вот и снаряд, добавил он, загоняя в ствол стеклянную трубку, наполненную чем-то прозрачным, как вода. Потом прицелился в медведя, летевшего во весь опор под левым галсом на расстоянии одного кабельтона впереди нас выстрелил.

Диковинная была картина. Стеклянная трубка прожужжала над головой зверя, шлепнулась об лед как раз у него перед носом, разлетелась вдребезги и что за диво! полярное чудовище перековырнулось, как подстреленный кролик, и лежит смирнехонько!

— Ну! говорит Спукенс, — влево на румб! Ложись в дрейф!

Рулевой причалил судно к месту; медведь лежит себе такой аккуратный и тихенький и только знай себе сопит через нос.

— Давайте-ка веревок да встаскивайте его на борт, — приказал Спукенс.

И когда мы исполнили это и спустили зверюгу в трюм, в особо отгороженную для него камеру, Спукенс обращается ко мне и к Жулю и спрашивает:

— Ну, как вам понравился мой способ? Без хлопот и без боли, и зверю и человеку одно удовольствие, не так ли?

— Тран-ми-дябль! — воскликнул Жуль, взмахнув руками и чуть не опрокинув пиво, которым мы хотели отпраздновать удачную охоту.

— Благодарю вас за сочувствие — промолвил м-р Спукенс со всегдашней своей учтивостью.

— Это настоящее чудо из святого писания, сэр, — заметил я. Никогда я ничего подобного не видел. А что за естество было в этой трубке?

— Да! — произнес он. — Ну догадываетесь? Да это же флорохор, тот самый, что у докторов, когда им нужно отрезать вам ногу так, что вы и не почувствуете, только я сам специально приготовил его покрепче и запасся им для стрельбы. Я полагаю, мы таким манером наловим медведей, сколько нам нужно. В камере их уложится десятка четыре, если класть рядком потеснее.

— Ах, что вы! — возразил я. — Не думал я, что вы так жестоки,

мистер Спукенс. Бедным животным негде будет и повернуться — не накликать бы вам беды на нашу голову — зачем их мучить? Опять-таки, как же насчет кормежки?

Он откинулся назад и давай хохотать- того и гляди лопнет!

— Га! га! — заорал он. — Кормежка? да я их и кормить не буду! Смекните на что я придумал? Медведь будет спать крепко и спокойно целые сутки от той порции флорохора, которую я ему закатил, А завтра, чуть только ему придет время проснуться, я за ставлю его вдохнуть еще и дело сделано. Целые месяцы обойдется без пищи! Сном будет сыт.

Тут уж и мне стало весело; я пожал ему руку, извинился, и мы по-приятельски распили пиво.

Потом без труда спустили корабль опять на воду и поплыли дальше к северу.

Но скоро море начало замерзать, и нам пришлось опять ехать по льду, а это оказалось не так легко, как в первый раз, потому-что часто встречались ледяные глыбы, которые надо было об’езжать, и к тому же ветер был не попутный, так-что через каждые десять минут приходилось менять галс. Но как бы там ни было, мы двигались все дальше и дальше, и по пути то и дело ловили медведей; в камере уже не оставалось места, так-что под конец пришлось их складывать в трюме и где попало. Их общий храп звучал нежной музыкой в ушах м-ра Спукенса, который полагал, что все расходы по путешествию теперь окупятся наверняка.

Аккуратно каждый день он совершал обход, давая им свежую дозу флорохора, а для предосторожности надевал в это время на голову мешок. Посмотрели бы вы, каким чудаком он казался выглядывая сквозь стекла, устроенные против глаз. Это меня даже надоумело. Стужа была смертельная, на палубу хоть и не показывайся. Вот я и говорю:

По моему, м-р Спукенс, всем бы нам надо обзавестись такими штуками. От нашего дыхания нам будет теплее.

— Га! — воскликнул он. — Вы правы, капитан. Сделаю!

В тот же день наделал мешков, и мы после того на вахте всегда носили их — оказалось очень удобно.

До сих пор мы не встретили ни одного эскимоса. Но раз как-то помню, что был вторник, и к обеду у нас были мои любимые ватрушки — видим, копошится что то на льду. Оказывается эскимос, хотя с первого раза и не угадаешь, до того весь закутан в меха. Перепугался он, конечно, страшно, никогда ведь не видывал корабля на колесах; однако Жуль, зная их разговор, окликнул его, и он взошел к нам на борт. Только дурак оказался непроходимый ничего от него не выведали; сойдя к нам вниз он первым

делом увидел с полдюжины медведей, сваленных в кучу в углу так-что и яблоку негде упасть. Заорал благим матом и убежал только мы его и видели! а после того уже ни одного эскимоса не встречали — должно быть, он предупредил всех, что мы люди опасные, так-что нам и не удалось распросить, бывал ли в этих краях кто-нибудь из белых людей.

Проехали еще немного. Ветер совсем перестал затишье. М-р Спукенс выходит на палубу и говорит:

— Сейчас увидите, капитан.

Спустился он вниз и вдруг, хотя паруса совсем обвисли, «Шустрая 0безьяна» пошла полным ходом. Вы понимаете, меня как громом поразило, а Жуль выскочил на палубу и давай орать «Кель дябль!!!» до того, что на его маске стекла лопнули.

Вышел на палубу сам Спукенс и ухмыляется, как кот, слизавший сливки. Кричит во всю глотку: «Га! га! га!» — Я сам придумал это! — объяснил он, когда мы начали приставать к нему с вопросами. — Вы ведь слышали что полюс есть магнит, а потому и притягивает к себе стрелку компаса?

— Еще бы! Каждый моряк твердо знает это.

— Так вот, — продолжал он — пред нашим отплытием я устроил всю железную часть корабля на такой же манер как магнитная стрелка. Сейчас я открыл клапан, чтобы впустить магнитное естество; и теперь полюс тащит нас к себе.

— Прекрасно, — говорю я. — Ну, а как же если надо назад?

— О, в этом случае стоит только повернуть судно носом в обратную сторону, и тогда уже нас будет толкать прочь. Ничего нет проще, надо только уметь взяться.

И в самом деле оказалась не большая хитрость. Так мы ехали день за днем, день за днем, но раз как-то вахтенный заорал «стой»! и мы едва успели затормозиться — поперек льда шла громадная разселина.

Оставив корабль на месте мы по дошли посмотреть, что там такое. Глубина необычайная мили две или три — и столько же в ширину. Тянется в обе стороны — и конца не видно. Но что больше всего нас удивило, так это — вода на дне ущелья, незамерзшая вода, даже пар от нее шел. А на воде как-будто лодка стоит.

Что тут стало с нашим мистером Спукенсом!

— Наши имена теперь пропечатают во всех газетах! — заявил он с гордостью. — И портреты наши и снимки с «Шустрой Обезьяны». Это еще ни в одной книге не описано. Нам надо попробовать опуститься туда. Вероятно, это и есть то место, до которого дошел мой дедушка с

товарищами, и хотя едва ли кто из них жив до сих пор, но может быть мы найдем кого-либо из сыновей. Какая досада, что я не захватил с собой еростата, — можно было бы спуститься и мигом вернуться. Но у нас нет ни оболочки, ни угля, сколько нужно чтобы приготовить газ, — так-что об этом нечего и говорить.

Тут я вставил свое собственное мнение, которое вдруг взбрело мне на ум.

— Прошу извинения, м-р Спукенс, сказал я, но мне кажется, что для спуска нам можно взять парашют в роде тех, на которых выбрасываются из еростатов. Мне случилось раз видеть.

— Вы правы, — ответил он. — Мысль хорошая. Но как вернуться назад— вот где загвоздка. Мыслимое ли дело взобраться по этим ледяным утесам, а веревок тоже не хватит, что бы вытащить нас.

— Не хватит, — согласился я. Зато мозгов хватит.

И тут я сообщил ему мой план. Он похлопал меня по плечу и крепко пожал мне руку.

— Рад, что взял вас с собою, — сказал он. — Недаром мне про вас говорили, что у вас голова на плечах. Сегодня же испробуем!

Испробовали — оказалось хорошо; а так как задержки ни в чем не было, то мы сделали из холста парашюты и через каких-нибудь два дня все было готово.

Отправиться должны были м-р Спукенс и я, а Жулю поручили смотреть за кораблем, и Спукенс показал ему, как давать медведям нюхать каждый день хлорофор.

— Только смотрите хорошенько, чтобы где-нибудь не просочилось, — сказал он, показывая боченок с хлорофором. — А не то вы все заснете, а может и капут будет вам. Следите, чтобы втулка была плотно закрыта.

Жуль обещал быть осторожным и вместе со всей командой пришел проводить нас. Принадлежность, нужную нам для обратного пути, привязали к парашютам вместе с ружьями и запасом пищи, а потом и сами мы прикрутили себя ремнями. После чего м-р Спукенс произнес небольшую речь:

— Мистер Блонжер и прочие, — сказал он: — мы пробудем в отлучке не более двух трех дней и в определенные часы будем подавать снизу сигналы флагами, но если случится что неладное, спустите веревку и дайте нам знать мы тотчас вернемся. Может быть, мы прогостим и дольше, если встретим там тех, кого я ищу, но в таком случае мы предупредим вас. Ну, а если уж что случится, как это бывает иной раз, то прошу поместить в газетах в надлежащем виде, в роде: «погибли на доблестном посту, просят

венков не возлагать, или «с глубоким прискорбием», да еще что-нибудь насчет наших открытий, о которых еще ни в одной книге не написано. М-р Блонжер угостит вас пивом, как бывало и при мне, и желаю вам всем счастья.

На это они пожелали и нам того же, и на многие дни, и прокричали ура.

— Готово! п— ромолвил м-р Спукенс и тут же прочитал нарочно составленный им стишок: «О, если б к милой Англии могли мы скувырнуться». Потом заорал во всю мочь, чтобы нам стало веселее и мы оба спрыгнули в эту страшную яму.

Ух, и полетели же мы! но через минуту парашюты раскрылись, и мы поплыли в воздухе по ветру, словно перышко. Хорошее было ощущение, и жаль, что оно скоро кончилось; посмотришь этак вниз, а там люди сбегаются, машут руками, суетятся. Чубурахнулись мы прямо в средину толпы, а они загалдели и хвать нас за шиворот. И чорт меня возьми, если один из них, вероятно старший, не заорал тут же: «откуда вас принесло и чего вам здесь надобно?»

М-р Спукенс, несмотря, что его расчеты оказались верными, до того растерялся, что только и мог промямлить:

— Здравствуйте! Не правда ли, какая сегодня приятная погода?

Но тут я вмешался.

— Я, — говорю: есть капитан Кэрью с корабля «Шустрая Обезьяна», что стоит там наверху, а это мистер Спукенс, сам судохозяин; он пришел навести справки о своем деде, Джордже Спукенсе, который заблудился в этих местах, и будьте любезны нас не задерживать.

— Вот тебе раз! — воскликнул он. — Что я слышу? Ведь если так, м-р Спукенс, то мы с вами кузены — у нас общий дедушка. Пойдемте-ка, навестим старика.

— Как, разве он жив? — спросил Спукенс, придя в себя.

— Жив и брыклив как слон! — ответил кузен и добавил топотом, чтобы другие не слышали: — Даже через-чур неугомонен. Вам, как члену семьи, могу сказать, что это настоящий старый аспид — вот он каков. Только из уважения к нему, как к старику и к последнему оставшемуся от команды, мы не отправляем его куда следует. Ну, идемте, пропустим чарку другую.

И приказав остальным спрятать наши вещи в соседней пещере, он повел нас. Мы прошли мимо воды, от которой поднимался пар, и он об’яснил, что тут есть гезарь, подающий все время горячую воду, и оттого здесь так тепло и хорошо.

— Вот как сюда попали те бедные путешественники — сказал он. — Они шли тропинкой, а здесь их уже поджидали эскимосы. А когда захотели вернуться, тропинку залило водой, и им пришлось остаться. Вам тоже отсюда не уйти. Охота в кашей долине богатейшая и очень бывает приятный вид при солнце, которое светит здесь в течение получаса один раз в году. Останетесь довольны.

— Но мы вовсе не собираемся остаться здесь, — возразил я. — Мы только навестить пришли. А на обратный путь у нас есть средство.

— Лучше выкиньте это из головы, — ответил он довольно сердито. — Это против закона, и за всякое покушение смерть.

Когда старики поняли, что выхода нет, то учредили такой закон, чтобы дети их не бунтовались.

Держите язык за зубами, а я уж не выдам. Ну вот и жилье наше. Не забывайте же, что старику ни в чем нельзя перечить. Войдите.

Вошли мы через небольшую дыру в скале, но внутри раскрывалась ширина необъятная, и никогда я не видывал такой красоты. С потолка висели куски хрусталя «столкатиты», как называл их м-р Спукенс, — так и сверкавшие при свете ламп, развешенных по всему помещению. Были в стенах и другие дыры, завешенные шкурами, но мы на них не обратили внимания, а выпучили глаза на дряхлого старика, что сидел на высоком стуле в другом конце залы, весь обставленный огнями. Завидел он нас и закричал:

Этих еще откуда принесло?

М-р Спукенс выступил вперед.

— Ваш почтительный внук, — сказал он: по имени Генри, желает поздороваться с вами; а это капитан Кэрью.

— К вашим услугам, сэр, промолвил я.

— Добро пожаловать, — ответил он милостиво. — Вы явились как раз вовремя завтра две моих правнучки выходят замуж за здешних ребят. Но, я думаю, не мешало бы освежить в нашей семье кровь, а потому женихами будете вы. Пожмите мне руку и скажите: спасибо.

— Но нам вовсе не охота жениться, сэр, говорю я.

— Велика важность! — возразил он. — Здесь таков закон, и что я сказал, то и будет. Я не хочу, чтобы мои праправнуки были черезчур эскимосами. Вы женитесь, и разговор короток.

— Носы-то у ваших невест не слишком ли коротки, — промолвил я, но потихоньку, помня, что старик легко может вз’ерепениться. — Мы их еще не видели. Не люблю я покупать свинью в мешке.

— Что! — загремел он. — Так по твоему мои внучки свиньи?

— Нет, зачем же? — ответил я поласковее, чтобы успокоить его. — Но не видев их, трудно сказать, понравятся ли — сомневаюсь что-то.

На эти слова он чуть не поперхнулся, однако ничего не сказал, а только рукой махнул — и все толпившиеся вокруг него люди, одетые в меховые куртки и штаны, так-что не распознать было кто мужчина, кто баба, расступились, проталкивая к нам обеих девиц. По правде говоря, я не из тех людей, которые любят обижать или дурно отзываться о женщине, но на этих двух страшно было смотреть. Не то, чтобы фигурой не вышли — об этом я не мог судить, потому что, опять-таки, они были закутаны в шерсть — но право мне случалось лепить из теста и вырезать из картошки не такие безобразные хари. Однако я помнил, что надо быть на чеку.

— Притворитесь, что она вам по сердцу, — прошептал я м-ру Спукенсу, который с перепугу едва держался на ногах; и, чтобы пояснить ему примером, я обнял одну из девушек за талию — или за то место, где у нее полагалась талия — оскалил зубы и сказал:

— Хорош ли я по-твоему, красотка?

— Нет! — завопила она. — Пошел прочь, волосатая рожа! — и замахнулась на меня ножом.

— Стой, ведьма! — прикрикнул дед. — Я дам тебе три дюжины кошек за кошачье твое поведение! Не обращайте внимания на ее причуды, капитан. Ее легко урезонить ударом дубины — как поженитесь, сами увидите. А если она вздумает зарезать вас ночью, как это случалось у нас даже в самых порядочных семействах, то будьте уверены, что я этого так не оставлю и с нею расправлюсь по-свойски… Генри, внук мой, что с тобою?

А Генри поднял такой вой, что один из столкатитов треснул и грохнулся об пол. Кружится наш Генри по всей зале, а девка на нем повисла.

— Пусти ухо! — закричал он.

Тут только мы разглядели, что девица впилась зубами в его ухо и жует с этаким злорадством.

— Пусти его, Мери Джен! — крикнул дедушка. — А не то я сам примусь выколачивать поленом дурь из твоей головы!

Она послушалась, но не сразу, а словно нехотя, и потом обе невесты удалились, злобно усмехаясь; да и было чего торжествовать — ухо Генри так потом и не выросло, остались какие-то клочки.

— Вы уж извините моих куколок, — сказал нам дедушка, — Они так застенчивы с незнакомыми. Со временем у них это пройдет.

Но у м-ра Спукенса нрав был крутой, не терпящий обиды. Он забыл всякую учтивость.

— Если такова их застенчивость, то по мне белые медведи куда лучше их! вскричал он. Вот и капитан Кэрью скажет то же самое.

— Согласны ли вы с ним, капитан? — спросил дедушка, вдруг переходя на отменно любезный тон.

Вижу таить незачем.

— Да, — говорю.

— Ага! — говорит он……..И вы имеете наглость заявлять мне это в глаза? Вы пришли в этот уголок рая на земле, чтобы перевернуть его по-своему? Погодите же, я проучу вас! Свяжите-ка их, ребята, да всыпьте им по шести дюжин горячих!

— Га! га! — воскликнул м-р Спукенс. — Проучить хотите? Наденьте-ка маску, капитан. Дедушка, я в вас жестоко разочарован. Получайте старая бестия!

И вытащив из кармана пузырек флорохора, он швырнул его обземь у ног деда.

И дед и все другие свалились с ног, а мы скорей прочь из пещеры на свежий воздух.

М-р Спукенс приоткрыл свою маску.

— Неблагодарное старое пресмыкающее! — прорычал он. А я тащился в этакую даль, думая, что встретят меня с радостью!

Не очень-то он будет рад, когда очухается, — сказал я. По вашему достаточно ли там было флорохору? Пузырек ведь небольшой. Не поспешить ли нам лучше? Вы слышали, кузен вам говорил, что за попытку уйти полагается смерть.

— Жаль, что не захватил другой бутылки, — сказал он с досадой. — Ну, да что толку печалиться, отыщем наши пожитки и в путь!

Пошли в пещеру, вытащили наши парашюты и приладили, что я посоветовал. А это были ракеты-только ракеты не такие, какие вы видывали, а гораздо больше; мы их приготовили специально. Они были привязаны сбоку парашютов, так-что огонь выбрасывался в сторону от нас, а сами мы висели снизу. Пристроились мы как только могли скорее и уже готовы были отчаливать, как вдруг слышим крики и вопли — летит во весь дух дедушка, ничего, что старый, а за ним вся остальная шатия, и мужчины и женщины, кто их там разберет.

— Стой! заорал он. Вы нарушаете закон и должны понести ответственное наказание! Стойте!

— Как бы не так! — говорю я.

А м-р Спукенс крикнул:

— Прощайте, дедушка!

И подожгли ракеты.

Ракеты как зашипят, а нас как взметнет кверху — только мы и видели, как деду искрами опалило усы! взлетели мы высоко над скалами, пока не вышел весь порох, а потом начали спускаться все ниже и ниже и наконец стали почти на то самое место, откуда спрыгнули. Тут только мы заметили, что корабля нет.

— Что за диковина! — воскликнул м-р Спукенс. — Где же он? Неужели м-р Жуль сбежал и бросил нас подыхать с голоду?

— Быть не может! — говорю я. — Посмотрите! Вон наши фонари.

— Верно! Но, чорт возьми, они едут! Скорей вдогонку!

И мы пустились бежать, крича во всю глотку и стреляя из ружей, и начали как-то догонять «Шуструю Обезьяну».

Но несмотря на весь шум, какой мы подняли, никто на нас не обращал внимания, и судно продолжало катиться по тому же курсу. Понемногу повеяло на нас флорохором, и тут мы стали догадываться, в чем дело.

— Жуль не заткнул втулку от флорохора, и впустил магнитное естество! — проговорил м-р Спукенс, задыхаясь от бега.

Наконец, уже полумертвые, взобрались мы на борт, надев свои маски, — и что же мы увидели в кают-компании?

И Жуль и вся команда сидели за столом, по-домашнему; перед каждым стояла полная кружка пива — а раз, пиво осталось невыпитым, значит кончено!.. Мертвых не оживить. Мы бы сняли свои маски, чтобы почтить их память, но нельзя было, пока в воздухе стоял флорохор. Проветривать пришлось несколько часов.

Ну, и медведи тоже все передохли, и грустная была работа бросать их за борт, а снимать с них шкуру не хватало ни охоты ни сил. Итак, хотя мы с м-ром Спукенсом и вернулись благополучно домой, но он потерял и свой груз и команду. Однако он хорошо расплатился со мной, и когда я на прощанье высказал ему надежду совершить с ним еще такое же путешествие, он покачал головой:

— Нет… Довольно с меня…

Потом я догадался, что он имел в виду, потому что в тот же вечер он вышел в море на «Шустрой Обезьяне» один-на-один и больше о нем — ни слуху ни духу. Хороший был человек и пиво держал в запасе хорошее — почти такого же качества, как в этом трактире. И если бы вы, как говорится, хотели помянуть его — что же, я никогда не отказываюсь от такого дела!

КОНКУРС

задач, загадок, шарад, ребусов и т. д.

Предполагая в каждой книге «Мира Приключений* предлагать читателям задачи на премии, редакция, в целях отбора лучшего материала об'являет Конкурс задач, загадок, шарад, ребусов и т. д.

Присланные задачи будут премированы:
1 премия… 5.000 р.
2 «….. 3.000 р.
3 «….. 2.000 р.
(в дензн. 1922 г.).
Непремированные, но признанные удачными задачи приобретаются редакцией по соглашению с автором.

Условия конкурса.
Присылаемый материал должен быть свежим и оригинальным, по возможности (но не обязательно взят из современности).
2. Четкость рукописи или рисунка обязательны.
3. Разгадку, фамилию, и адрес автора — прилагать в отдельном конверте.
4. Срок присылки 1 сент. 1922 г.
5. Результаты будут 3-й книге «Мира Приключений».

Рукописи и рисунки присылать:
Москва, Тверская, 38. Редакция «Мира Приключений».

---

notes

Примечания

1

Известный американский писатель.

2

Выражение соответствующее русскому «родиться в сорочке».

3

Игла — тангенс-гальванометра.

4

Наука о действии ядов

5

Коагуляция — свертывание с последующим уплотнением.

6

Аэротерапия — воздухолечение.

7

Поляризация света — способность света видоизменять свои свойства и направление при прохождении через двоякопреломляющую среду.

8

• • •